

A group of five men dressed as Scottish Highlanders are standing in a jungle setting. The man in the center has long blonde hair and wears a red and green plaid kilt, a white shirt, and a green tam with a red feather. He has his arms crossed. To his left, a man with a beard and a black tam holds a sword and a large drum. To the center man's right, a man with a beard and a blue tam plays bagpipes. On the far right, another man with a beard and a black tam holds a sword and a large drum. A butterfly is flying in the air above the group. The background is a lush green jungle with a waterfall.

ОЛЕГ ДИВОВ

**НАСТОЯЩИЕ
ИНДЕЙЦЫ**

ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

Олег Игоревич Дивов
Настоящие индейцы
Серия «Профессия:
инквизитор», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7120796
Дивов, Олег Игоревич. Настоящие индейцы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73627-0

Аннотация

Если вы думали, что мужик без штанов – это очень смешно, то, поверьте, мужик без штанов и с двуручным мечом – это не смешно ни разу. Если считали, будто индейцы – простые ребята, а у них оказались такие политические интриги, что черт ногу сломит, это не проблема индейцев. Это ваша проблема, ведь вы в плену и завтра вас посадят на кол. А местный царь, ваш старый приятель по университету, как-то не спешит на помощь.

Галактический тупик, отсталая цивилизация, дикие нравы? Это еще полбеды. На Саттанге столкнулись интересы нескольких государств, а значит, крови будет по колено. И Делле Берг будет о чем подумать. Во-первых, стоило ли возвращаться в разведку; во-вторых, какое положение хуже – смертельно опасное или идиотское; в-третьих, почему так отчаянно хочется, чтобы

пришел ее бывший шеф-инквизитор Август Маккинби и всех поставил на место.

Между делом мы узнаем, мечтают ли андроиды об электроовцах и как отвечают настоящие шотландцы на вопрос: «А что у вас под килтом?»

Олег Дивов

Настоящие индейцы

© Дивов О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Как всегда, Август оказался прав.

Когда я только начинала работать ассистентом инквизитора, меня восхищала его способность никогда не ошибаться в стратегии. В тактике он, бывало, промахивался, и круто. В стратегии – ни разу. Порой меня злило его очевидное превосходство.

В минувшую пятницу я от Августа ушла, но на прощание у нас состоялся разговор. Август конкретно расписал все трудности, с которыми я столкнусь. Его уверенность лишь добавила мне решимости. Я мечтала, чтобы он ошибся.

Черта с два.

И сейчас у меня не было сил на злость. Я чувствовала только усталость.

– Есть вопросы, капитан Берг? – спросил Кид Тернер.

Кид был деканом, когда я училась в Военном университете. Был – и остался. Дураки и невежды иногда спрашивали, а чего он столько лет сидит на одном месте, карьеру же надо делать, мог давно оказаться ректором в колледже пониже рангом. А Кид не суетился.

Когда-то он сам стоял в шеренге выпускников факультета

тактической разведки. Служил недолго, но разведку не бросил: вернулся преподавателем на родной факультет. В его публичном досье отсутствовала информация о другой работе – кстати, основной. Разведчики не уходят на покой, они слишком востребованы. Кого-то с распростертыми объятиями встречают в Агентстве федеральной безопасности, кто-то получает нехилую зарплату – вместе с ответственностью – в частных охранных структурах. А лучших ждут в военной контрразведке. Кида ждали прямо-таки с нетерпением.

Особого секрета из этого никто никогда не делал, да и незачем: Кид Тернер – страж конституции, а не потенциальный нелегал. Но мы, юные хоббиты – так на студенческом арг-го звали курсантов факультета тактической разведки, – любили его не за профессиональные качества. Нам всем он был отцом родным. И дружба эта сохранялась на долгие годы.

– Не-а, – сказала я. – Кид, ну какие вопросы, история же белыми нитками шита.

На «ты» мы перешли, еще когда я училась на первом курсе. С тех пор Кид обращался ко мне по фамилии лишь в сугубо официальной обстановке, ну или когда добродушно иронизировал.

– Да, – согласился Кид. – Как обычно. Весь расчет на то, что человека не будут искать.

В феврале этого года Максимилиан Альберт ван ден Берг, князь Сонно, плейбой и финансовый аллигатор, столкнулся с неразрешимыми личными проблемами. На самом де-

ле, конечно, настоящих проблем не было, но звездный принц имеет право на капризы, если они законны и романтичны. Князь добровольно отказался от всего имущества в пользу своей бывшей жены, которую любил слепо и безрассудно, сменил фамилию и ушел в армию. Под именем Максима Люкасена он служил в округе генерала Рублева, который старательно притворялся, что никогда раньше не встречал этого человека. Служил не за страх, а за совесть, имел репутацию лихого и отчаянного, но притом безусловно честного и надежного офицера.

Летом его откомандировали в распоряжение генерала Мимору, в третий округ. Фронтир, повышенный риск, спецзадание. В принципе, ничего страшного: доставить груз на строящуюся базу и забрать отслуживших контрактников. Вся сложность – что путь никак не прикрыт, и база не защищена от атаки сверху. На обратном пути командера Люкасена внезапно понесло за Фронтир, в глубь чужой территории, там он поднял мятеж, его сторону приняли три члена команды. Люкассен собирался перегнать корабль к диссидентам, но помешали офицеры-контрактники. У них кончился срок службы, но ведь не совесть... На борту началась перестрелка, и все, что смогли Люкассен с его подельниками – взять заложника и уйти на поверхность ближайшей планеты. Командер уже был тяжело ранен. Через сутки заложник сумел бежать, угнав челнок. Он и сказал, что Люкассен мертв. С корабля отправили поисковую группу. Группа об-

наружила труп, с него сняли идентификационный чип, а тело оставили на месте: в том районе свирепствовала чума, была немаленькая опасность заражения. Подельники Люкассена затерялись, их следы не обнаружили.

Все бы ничего, только планета, на которую спустился умирающий Люкассен, называлась Саттанг. И была она единственным в нашей галактике действительно независимым государством. Вся диссида: Эльдорадо, Куашнара, Шанхай – это, в сущности, бунтарски настроенные земляне. Их независимость держалась на том, что они сумели улететь далеко от Земли, а когда федеральный центр спохватился, отщепенцы уже окрепли и представляли собой нешуточную силу. Прозвище «диссиденты» достаточно полно отражало их суть. Людям надоело подчиняться Земле, вот и все. Шанхай стал огромной, раскинувшейся на десятки планет Китайской империей, Эльдорадо – типичной латиноамериканской диктатурой, а Куашнара мало чем отличалась от нормального федерального штата, разве что порядки там попроще. Из всех диссидентов Земля признала независимость только Куашнары. При этом с Шанхаем поддерживался вооруженный нейтралитет, а вот с Эльдорадо шла необъявленная, упорная и жестокая война. И обычно под изменой подразумевали переход именно на сторону Эльдорадо. А Саттанг стоял особняком.

Когда началась массовая колонизация, человечество с изумлением и радостью обнаружило, что у него есть бра-

тъя по разуму. В нашей галактике нашли еще три гуманоидные расы. Две первые замерли в развитии, причем на очень раннем этапе – еще догосударственном. Разумеется, у них были какие-то самоназвания, только никто из землян их не знал. Первую расу прозвали эльфами – за небольшой рост, хрупкость и изящество сложения, кукольную красоту. Вторую – орками, потому что они больше всего напоминали горилл, освоивших прямохождение. Никаких вопросов, что с ними делать, не возникало: без помощи Земли эти виды гуманоидов довольно быстро вымерли бы от накопившихся болезней. Их нативные планеты вошли в состав федерации, но скорей на правах заповедников. Эльфов и орков вывозили десятками и сотнями, адаптировали к нашему обществу. Правозащитники кричали, что мы убиваем самобытную культуру, – но они всегда это кричат. Как по мне, только растворение в нашем социуме дало мощный толчок к развитию что эльфам, что оркам.

Третья раса была другой. В сущности, она от человека отставала не так уж сильно. Мы звали этих ребят индейцами – а они не возражали. Они вообще не сопротивлялись ничему, что мы вносили в их жизнь, – но строго на нашей территории. Свою культуру индейцы от нас прятали. То ли считали нас неверными, то ли правило «со своим уставом в чужой монастырь не лезь» у них работало как закон. Но о колонизации их родной планеты речи никогда не шло. Физически, думаю, у людей не возникло бы проблем: технологи-

чески мы обогнали индейцев на несколько тысяч лет. Зато моральный аспект просматривался невооруженным глазом даже без правозащитников. У индейцев было свое государство, письменность, ремесла и развитая религия.

Мы с ними не воевали. Никогда. И не рассматривали Саттанг как потенциального противника. В сущности, мы жили с индейцами настолько дружно, насколько вообще это понятие применимо к гуманоидам разных видов. Биологически люди и индейцы были совместимы, дети получались красивые и умные. Отношение к индейцам в обществе было куда лучше, чем в незапамятные времена – отношение белых к неграм. Причем ксенофобии не отмечалось с обеих сторон. Нынешний индейский царь, например, родился на Земле, окончил не только престижную школу, но и Государственный университет в Мадриде, мечтал добиться для индейских иммигрантов на нашей территории статуса народа и стать сенатором. Его мать была индейской царевной, а отец – генерал Шумов, младший отпрыск княжеской семьи русского происхождения. С какого похмелья генерал назвал сына-полукровку Патриком, никто не знал, но факт есть факт: нынешнего индейского царя звали Патрик Александрович Шумов. Его с трудом уговорили сесть на прадедовский трон, и, по слухам, если поначалу у него были какие-то свои взгляды на роль монарха в тамошней культуре, то теперь он понял, во что вляпался, и крепко запил. Ему на Саттанге было грустно и одиноко, он привык к совсем другим условиям. И уж ко-

нечно, скорей бы он сам попросился обратно к нам, чем кто-то из наших перебежал к нему по идейным соображениям. Другое дело, что на Саттанге некоторые скрывались от правосудия. Это – да. Но таких беглецов никто не считал изменниками и не называл так. Обычные уголовники. Если индейцы их выявляли, то передавали Земле незамедлительно.

Поскольку Государственный университет был одним из четырех, составлявших знаменитый Мадридский кампус, Патрик, естественно, водил знакомство со всеми более-менее заметными преподавателями и выпускниками Четырех университетов. С ним дружили и Алистер Торн, ныне восходящая звезда контрразведки, и бывший мой босс Август Маккинби, инквизитор первого класса, и даже мой брат Кристофер, не так давно внезапно для всех превратившийся в звездного принца. Патрика знали и мы с Кидом Тернером. А с Максом у Патрика одно время были такие тесные отношения, что они по всем вечеринкам ходили вдвоем, чем даже породили беспочвенные слухи. Потом рассорились. Вроде бы из-за девушки. Но рассорились не насмерть, а как типичные принцы: слегка подрались и разошлись, довольные собой и друг другом.

Теоретически, я могла представить ситуацию, когда Макс просит у Патрика убежища по старой дружбе. Как бывшая жена Максимилиана ван ден Берга – да-да, та самая бывшая жена, – я иллюзий на его счет не питала. Макс был эпатажником и авантюристом до мозга костей. Но на практике Пат-

рик – последний человек, к которому Макс обратился бы за решением своих личных проблем. Скорей он пришел бы к моему бывшему боссу.

– Значит, проблемы были не его, – только и сказал Кид Тернер.

Я хотела сказать то же самое, Кид просто опередил меня.

– Хорошо, но чьи тогда? Среди его знакомых было трое, кто так или иначе завязан на Саттанг. Патрик, Фирс Ситон и мой брат Крис. Патрик царствует, Фирса на Саттанге казнила храмовая стража, а Крис нашел, что искал, в совершенно другом месте... В любом случае, я не представляю, что должно было случиться, если Макс дезертировал.

– Ты ведь в последнем деле довольно много узнала про Саттанг? – невинным тоном обронил Кид.

Я понимала, что он спросит. Его волновало, удастся ли договориться о помощи с моим бывшим боссом. Три года я работала ассистентом у инквизитора первого класса Августа Маккинби. Август имел славу человека, способного раскрыть преступление любой сложности. Когда погиб Макс, Августу предложили взять на себя расследование. Он отказался. Притом все заинтересованные стороны не без оснований полагали: Август знает больше, чем контрразведка и федералы, вместе взятые, но заняться этим делом почему-то не хочет. И объяснять свой отказ не желает. Он и меня пытался отговорить. Может, если бы мы не поссорились незадолго до этого, я и поддалась бы.

Чисто формально я все еще работала на него. Эта формальность играла роль прощальной премии: Август считал, что мне пригодится статус его ассистента. Я возмущалась. Я не желала пользоваться ничем, что осталось мне от той работы и напоминало о ней. Но...

Но по всему выходило, что другого варианта просто нет. Либо я ассистент инквизитора с соответствующими полномочиями, либо у меня связаны руки и завязаны глаза. Я не представляла, как иначе справиться с этой невразумительной миссией. Такое ощущение, что я напрочь отвыкла от армейских реалий. Или отвык наш военный министр. Задание сводилось к формуле «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Всю информацию, похоже, мне придется добывать самостоятельно.

– Кид, я уже думала об этом. Когда мы искали Криса, тоже все указывало на Саттанг, а что оказалось? Боюсь, здесь то же самое.

– Август об этом что-нибудь говорил? – прищурился Кид.

– Да, открытым текстом. Если тебе интересно – он обещал прислать мне свои материалы. И сам работает в параллели, но по другому делу. Там-то точно Саттанг. Обстоятельства смерти Фирса Ситона.

– Вот оно что. Кстати, тоже весьма мутное дело. Очень хорошо, что Август за него взялся. У меня, если честно, давно руки чесались, но не было полномочий. Значит, все-таки парни нашли там нечто ценное...

Фирс был одним из друзей моего брата, Криса. И несколько лет назад они вдвоем летали на Саттанг. Сумели проникнуть в закрытый храм и своими глазами увидеть индейскую святыню – у нас ее прозвали «Великая Мэри». Запредельной красоты золотая статуя молодой женщины, с виду – произведение искусства, недоступного индейцам в силу их технологической отсталости. Оно и землянам было бы не по зубам. Крис утверждал, что эта статуя служила приводным маяком для кораблей Чужих. Корабли не прилетели, Чужие сгнули, а их ненужным маякам поклонялись язычники. Так оно обычно и бывает.

– Кид, я еще могу поверить, что Фирса убили из-за индейского золота. Но Макса?! Кроме того, Крис жив-здоров, а ведь видел то же самое, что Фирс. Нет, не в золоте дело. Золото слишком дешево для таких ставок в игре.

– Вот и я думаю, что же они могли отыскать там, если золото – слишком дешево. А как это формулировал Крис?

– Крис увидел то, что увидел: памятник исчезнувшей цивилизации. Чисто технологической, инженерной ценности для нас не имеет. Коллекционная ценность вполне измерима деньгами. Кровью там платить не за что.

– Макс мог знать о том путешествии?

– Не только мог, но и знал. Крис рассказывал ему. Думаю, будь там что важное, Макс давно изыскал бы способ глянуть. А он Саттангом не заинтересовался нисколько.

– Я тоже не могу представить, что там могло быть. Значит,

чего-то мы о Максе не знаем.

Я кривовато улыбнулась:

– Кид, ты ж за этим меня и посылаешь? Чтобы узнать.

– Да я бы уже знал, – Кид поморщился, – если бы Август изволил объяснить, почему отказывается работать по этому делу.

– Мне сказал, что бесперспективно.

– Ты веришь?

– Допускаю, что это может быть правдой.

– Что ж, – Кид вздохнул, – у него есть выбор, работать или нет. У нас – нет.

– У меня, между прочим, тоже есть выбор. Я еще не подписала контракт. У меня только моральный долг офицера. И мне уже не двадцать лет, когда я пошла бы в ад пешком, лишь бы не сочли трусихой. Когда мне важно было отстоять титул лучшей на курсе, хоббитской гордости и так далее.

– О, – Кид поднял палец, – взрослеешь.

– И твое мнение на сей счет для меня тоже не критично, – ответила я любезностью в том же стиле. – Август сказал открытым текстом, что я иду на верную смерть. Я сделала вид, что так и было задумано, что без Макса мне жизнь не мила. Но вообще-то я умирать не собираюсь. У меня есть свои планы на жизнь, и я не хочу от них отказываться.

– Отлично. А я рад, что у тебя есть планы. Хуже нет, когда твой исполнитель – будем называть вещи своими именами? – не знает, куда себя приткнуть. Мне нужно, чтобы ты

вернулась с победой. Твои планы – лишний стимул.

– Не спеши, Кид, – я улыбнулась широко и недобро, – я ведь не давала согласия. И не дам, пока не пойму, что происходит.

– Так я тебе объясню. Из Колина Ронту потихоньку выковырывается лучший военный министр на моей памяти. Этот парень умен, дипломатичен, дальновиден и склонен любить родину. Но видишь ли, в чем дело. Такой пост требует не столько профессионализма, сколько светскости. Точней, светскость – одно из требований к министру как к профессору.

– Прописные истины? – спросила я нарочито доверчивым тоном.

– Информация к размышлению, – отрезал Кид. – Министр на посту уже скоро год, а все еще не совершил ничего масштабного. Не дал повода оценить по достоинству свои таланты. И тут ему подворачивается эта мутная история. Он отлично знает, кто такой Максим Люкассен. Как и все нормальные люди, не верит в измену. Когда министру с нескольких сторон начали нашептывать, что в поиск надо послать тебя, он задумался. Навел справки. Пришел ровно к тому же выводу, что и я, и, видимо, Август. Ты потеряла квалификацию. С миссией не справишься. Но в самой этой очевидности кроется некий подвох. А подвох такой, что ты три года работала фактически детективом. И вот это уже интересно. У министра есть сведения, что происходит нечто стран-

ное. Происходит в Эльдорадо, в Куашнаре, в нашем третьем округе и кое-где еще. Все сведения – абсолютно неverified. И тут в эту мутную водичку падает Берг. И исчезает.

– Макс – это повод? – прищурилась я.

– Конечно. Но, Делла, повод надо отработать на сто процентов. Тебе действительно придется лететь на Саттанг и искать там все, что осталось от этого паскудника. Но туда ты полетишь в последний момент.

– Отлично. И в каком же качестве я должна работать на нашей территории?

– Разумеется, в обычном и привычном. Как ассистент инквизитора. Август взял дело Ситона? Прекрасно. Все, что имеет отношение к делу Ситона, ты передашь боссу. А то, что увидишь попутно... Ты ведь сознаешь свой гражданский долг? Поэтому, заметив факты измены, не станешь молчать? Вот эти факты ты сообщишь мне.

– Вводная?

– Только официальная информация.

– Ну ясно. Я должна подтвердить или опровергнуть сведения министра. Вслепую.

– Именно. Итак?

– Без вариантов.

– Приступайте, капитан Берг. И... удачи.

Я только улыбнулась.

Меньше всего я ожидала, что меня побеспокоит Дик Монро. Строго говоря, этим вечером я никого не хотела видеть. До меня наконец дошло, что Макса, моего любимого Макса больше нет. Слезы прорвались наружу, я заперлась в номере мадридского отеля, оставив персоналу указание – не беспокоить.

Дик не стал даже предупреждать. Он явился без приглашения и теперь сочувственно глядел на мою опухшую от рыданий мордашку. Старый, безумно элегантный, с застывшей презрительной миной на лице. Он оглядел гостиную в номере, отметил закрытые жалюзи, потом легко передвинул кресло поближе ко мне и уселся.

– Я принес тебе подарок, – сказал он и бросил на журнальный стол голографический кристалл. – Последнее фото Берга.

Я включила кристалл и с трудом узнала Макса. Он отрезал роскошные вороньи кудри, сменив их на уставную стрижку. Отпустил бородку. Стоял у посадочного трапа челнока с какой-то некрасивой тяжелозадой женщиной.

– Его постоянный навигатор, Ида Рафферти, – пояснил Дик. – Ушла вместе с ним на Саттанг. Не найдена. Было еще двое: стюард и стрелок. Оба – индейцы. Муж и жена.

Он выпрямился в кресле. Трость, которую он носил ис-

ключительно ради шика, отбрасывала блики набалдашником.

– Генерал Мимору – темная лошадка. Взять меня: я дьявол и горжусь этим. В своей беспринципности я велик. А таких, как он, я презираю. Прежний командир Берга, Рублев, просто честный служака. Его не за что уважать такому человеку, как Берг, но – не за что и презирать. Мне сказали, они неплохо ладили. А Мимору – мелкий ограниченный гаденыш. Это не только мое мнение. Я видел Мимору один раз в жизни. У него нет куража. Совсем. Он не решится даже украсть по-крупному. А живет слишком хорошо для своего положения. Да, вроде бы у него богатая жена. Только этого мало.

Я не перебивала его. Разумеется, я уже знала все ключевые моменты и значимые имена. Но Дик Монро мог рассказать что-то неожиданное. Не обязательно факты: иногда оценочная информация важнее. Например, если такой человек называл одного генерала честным служакой, а другого гаденышем, подтверждение не требуется, и так все ясно.

– Дьяволом быть хорошо, – продолжал Дик. – Многие двери открываются, потому что знаешь тайные грешки тех, кто за ними прячется. Жонглировать чужими грехами – моя страсть. Моя дьявольская страсть. И вот что принес в клювике один из моих грешников. Дело было на Саттанге. Делала, ты ведь знаешь?

Я прищурилась.

– Я понимаю, что тебе дали вводную. Я тоже читал этот рапорт. Он считается единственным рабочим источником. Доставить груз на Тору-2, база открытая со всех сторон, бери не хочу. Теоретически опасно. Оттуда надо взять людей и доставить на базу «Кромвель». По дороге Берг заходил на «Абигайль», где дозаправился. После «Абигайль» резко сменил курс и пошел на Саттанг. На орбите Саттанга простоял двое суток, поднял мятеж, сбежал вниз и исчез. Заложник вернулся сам, на том же челноке, на каком Берг ушел с борта. Весь челнок перемазан кровью Берга и его сообщника-индейца. Труп Берга обнаружили в километре от места посадки, в лесу, закиданный ветками и камнями. Никаких следов его сообщников, которых должно быть трое. Само собой, это все подозрительно. Поэтому туда забросили две группы подряд. Первую индейцы убили на месте. Заметь – на месте посадки Берга. Это, оказывается, храмовые земли. И взяли ребят в тот же день, как они появились. Заложник Берга просидел там энное время – и ничего, унес ноги. Поисковая группа с корабля шлялась по священной земле двое суток и улетела как ни в чем не бывало. А подразделение спецназа уничтожили через несколько часов. Удивительно, да? Вот и я задумался. Вторая группа высадилась сильно южнее на нейтральной территории, проработала месяц, после чего ее тоже перебили, и тоже за святотатство. При этом за месяц группа не нашла ничего, кроме места посадки челнока. Ни останков Берга, ни его сообщников там нет. А место посадки – в трех

километрах от храма Матери Чудес. Это крупнейший храм Саттанга.

Я молча прикрыла глаза. Поэтому меня и направляют туда.

– А теперь послушай, что знаю я. Ничего доказать нельзя. Никаких записей нет. Это все – личные впечатления некоторых людей. Так вот, никакую боевую миссию командиру Люкассену не поручали. Обычная транспортная. Туда – оружие, обратно – людей, чей срок контракта закончился. Тору-2 действительно не защищена. Только по факту в том секторе спокойней, чем в Ядре. Вообще неясно, зачем там потребовалась база. Теоретически – переносят с Тору-1, поскольку планета быстро развивается, и есть смысл вынести охрану чуть дальше. На базе есть прекрасно оборудованный космодром. Там стоит контингент, что-то около полутора тысяч человек, плюс колония поселенцев – тысяч пять или шесть. Особых контактов между вояками и поселенцами нет, и вообще непонятно, что это за колония. У них очень мало женщин, стариков и детей не замечено. Формально это религиозная община. Ничего толком не разрабатывают, все необходимое им присылают с Большой земли, территория общины обнесена высоким забором. Военным по личному распоряжению командующего запрещено вести наблюдение за общиной. Маршруты пролета расписаны так, что над общиной небо всегда свободно. Тем не менее, кое-какие сведения есть. С воздуха община выглядит странно. Там казармы.

Это все, что известно. Вот туда Берг доставлял груз и оттуда же забирал контрактников. Триста человек. При общей численности контингента – в полторы тысячи. Замену не привез. Комендант – парень замкнутый и нелюдимый, болтать не любит.

Я запоминала, отмечая для себя вешки – для подробного расследования.

– Очень странно, что туда послали Берга. Да, понятно, у Рублева он тоже возил контрабанду, причем, заметь, не на грузовике, а на перехватчике. Сама представь, насколько сложные задачи, если нужен корабль с динамикой перехватчика и пилот уровня Берга. Возил, как мне хвастались, ювелирно. А тут – явно не его уровня работенка. С этим справился бы любой нормальный возчик. На Тору-2 есть космодром, а значит, никаких трудностей с посадкой-стартом. Проскакивать между патрулями не надо, от пиратов удирать – да не смешите, там пираты сами все в погонах. Но Мимору запросил у Рублева надежного командира в ранге командера со своим экипажем. И ему прислали, хотя возчиков пруд пруди на любой базе... Не знаю, может, по военным понятиям на крейсер никого меньше командера сажать нельзя. Потому что Мимору дал именно крейсер. Не новый, но полнофункциональный. С системой бескосмодромной посадки. Штатный экипаж с крейсера ушел, вместо него полетели четверо: командер Люкассен, его навигатор лейтенант Ида Рафферти, стрелок-индеец по имени Кер, стюард-ин-

дианка Санта – жена Кера. В таком составе летать можно, но мало-мальски серьезную боевую задачу не выполнишь, хоть тресни... На Тору-2 командер Люкассен прибыл точно по расписанию. Сдал борт, отправился на отдых. Посетил коменданта. Через трое суток, опять же точно по расписанию, принял на борт триста восемнадцать человек и стартовал. Через сутки, проходя мимо базы «Абигайль», запросил разрешение на посадку для дозаправки и пополнения запасов воды и кислорода. Ему разрешили. И вот дальше – то, чего ты не знаешь. Люкассен встретился с комендантом базы «Абигайль», тот спросил, нужны ли места в гостинице для его пассажиров. Люкассен ответил, что его пассажиров лучше не выпускать к нормальным людям. Пока крейсер обслуживали, Люкассен воспользовался архивами базы, но что проверял – неизвестно, он работал со своего чипа. Коменданту показалось, что Люкассен искал какого-то человека. Кроме того, комендант удивился, что он попросил дозаправки. Ресурсов корабля хватало, чтобы дойти до базы «Кромвель», куда Люкассену и надлежало прибыть. Повода для отказа не нашлось, у Люкассена был личный приказ командующего. Это ничего особенного, такие разрешения дают всем, кто возит контрабанду, просто на всякий случай. И он загрузился так, словно собирался прыгнуть на Дикий Запад. Через час после убытия коменданту доложили, что крейсер изменил курс и идет не к «Кромвелю», а именно на Дикий Запад. Комендант доложил генералу Мимору, тот ответил, что

с выходками Люкассена разберется сам. Важно: комендант не то чтобы в контрах с командующим, просто человек другого круга и формации. Владимир Иноземцев, запомни это имя, он может пригодиться. По моим каналам на него особого компромата нет. То бишь обычный честный офицер, у которого наверняка в заглазнике много чего интересного, но он этим не торгует. Не вор.

Я нащупала сигареты в кармане жакета. Я бросила курить, но сегодня днем положила пачку в карман. Тоже – на всякий случай. Кажется, этот случай наступил. Дик, не моргнув и глазом, достал из внутреннего кармана малюсенькую пепельницу-раковину и подал мне. Протянул зажигалку.

– Как ни удивительно, но патрули не заметили, когда крейсер Макса прошел кордон. Его просто не засекли. Он встал на орбиту Саттанга. Первые сутки было тихо, на вторые Люкассен поднял мятеж. Застрелил нескольких пассажиров, сам с экипажем и заложником сумел угнать челнок и ушел в атмосферу. Среди пассажиров нашлись пилоты, а командование принял один из офицеров. На третьи сутки крейсер попытался совершить спуск в атмосферу, но сесть не смог ввиду неустранимой поломки в системе бескосмодромной посадки. Тут на борт вернулся угнанный челнок – его привел заложник. К «Кромвелю» корабль прибыл через две недели с триста тремя пассажирами на борту. И еще одна обмолвка. Нигде не зафиксированная. Люкассен должен был доставить некий груз. Так вот, на корабле его не было.

Моя сигарета кончилась в три затяжки.

– Если хочешь знать мое мнение – Берг убит, – закончил Дик. – И труп на Саттанге оставили не из-за чумы, а именно потому, что по нему слишком хорошо видно, как он убит. И убит на корабле. Вместе с экипажем. Их зарезали и сбросили в океан. А потом инсценировали их бегство. «Заложник» взял челнок, смотался вниз, отжег посадочно-стартовое пятно и мухой вернулся на корабль, пока его не прирезали индейцы.

– Похоже на правду.

– Мятаж поднял не Берг – его пассажиры. Я кое-что услышал, буквально вчера. У Фирса Ситона были конкуренты. «Черные археологи». У них лагерь прямо на Саттанге. Есть подозрение, что торговля индейским золотишком – только прикрытие. Понятия не имею, чем там еще можно торговать, ну нет там ничего ценного. Или мы чего-то не знаем. Координаты лагеря я достал, мало ли, тебе пригодятся. С виду вроде бы никакой связи, но я нутром чую – связь есть. Держи, разберешься, – он положил на стол карточку с чипом. – Делла, я знаю, что твоему горю не помочь. Но если ты вдруг захочешь привезти тело бывшего мужа в семейный склеп – корабль тебе я организую.

Он встал.

– И не потому что я такой приверженец закона. Я презираю закон, только у сыщиков всего мира мозгов не хватит меня поймать. Я делаю это потому, что мы когда-то были

друзьями, Делла. Я не любил Берга. Но он не сделал ничего, чтобы отказать ему в приличной могиле. И если твоя совесть потребует отдать ему последние почести – я помогу. Просто так.

Он направился к двери. Я поднялась проводить его.

– Не стесняйся обращаться ко мне за помощью, – сказал Дик Монро на прощание. – Раньше тебе помогал Берг, но его больше нет. Я не оставлю тебя. И не беспокойся – я не предложу такой помощи, за какую ты рискуешь сесть в тюрьму. Все будет чисто.

– Спасибо, Дик, – выдавила я.

Он отечески поцеловал меня в лоб и уехал.

* * *

Мне не стоило звонить матери Макса. Особенно зная, что на Сонно ночь. Но я поняла это только потом.

– Здравствуй, Валери, это Делла.

– И что тебе нужно? – очень холодно спросила она.

Валери была пьяна. Как обычно. Кажется, я ни разу не видела ее трезвой.

– Ты... ты, случайно, не знаешь, как можно найти Макса?

Мне нельзя было говорить о его смерти. Это военная тайна. И я не знала наверняка, сообщили его семье или нет.

– Вот оно что, – протянула Валери. – Деньги. Ты думаешь, я уговорю поверенного изменить условия? Чтоб княже-

ство отдали тебе прямо сейчас, без ограничений? Да черта с два. Послушай, ты, хитрая дрянь. Мне наплевать, во что вляпался Макс. Просто уже наплевать. Сдох – так ему и надо. Если он докатился до предательства... Впрочем, этого стоило ожидать. Князь Сонно, который бегаёт за какой-то потаскушкой, забыв о долге перед семьей, – это уже не князь. Я счастлива, что у него нет детей. И Татьяне я запрещаю выходить замуж. Выйдет – я ее больше не знаю. Я хочу, чтобы этот чертов род наконец прекратил свое существование. Одни идиоты. Мне надо было сделать аборт, когда я залетела Максом. Хотела же. Я хочу, чтобы ты накрепко запомнила одно. Титулом хоть подавись, но если ты, сука, только посмеешь явиться на Сонно – я тебя застрелю. Мне терять уже больше нечего. Поняла? И забудь этот номер.

Она отключилась. Я посидела еще немного, потом кишки свело от лютой обиды. Я ничего, совершенно ничего плохого не сделала Валери. Если, конечно, забыть, что я бросила ее сына. Но это ведь не повод проклинать меня? Мы развелись восемь с лишним лет назад. До прошлого года Валери держалась со мной дружески. Притворялась ради Макса? А теперь его нет, и лицемерить ни к чему.

Н-да. А ведь я всего лишь хотела, чтобы Валери рекомендовала мне надежных людей из ветеранов. Таких, какие могли бы составить мой экипаж на пожарный случай. И у кого еще спрашивать, как не у Валери? Она ведь командер в отставке. И уже, было дело, помогала.

Посидев тихонько, я достала темно-синюю коробку и вынула княжеский перстень. Его носил Макс. И я буду носить. Как носила после развода его фамилию.

Просто на память.

* * *

– Делла, ты всегда можешь рассчитывать на меня, – негромко сказал Йен. – Я понимаю.

– Я... я сама не знала, что люблю его так сильно. Любила.

– Нет, Делла. Любишь. Я знал. И быстро понял, что заметить его не смогу. Хотя мы оба старались.

Мы сидели в маленьком кафе на тихой улице в трех кварталах от штаб-квартиры Агентства федеральной безопасности. Пили горячий шоколад. Рядом с моей чашкой стояли бокал с виски и пепельница. На моей руке мрачно блестели зеленые бриллианты в фамильном перстне Сонно.

– Я не верю.

– Дел, к сожалению, это правда. Он действительно погиб. На Саттанге есть наше посольство, есть резидентура. Рублев давал запрос на поиск. Местные власти пошли навстречу. О Максе ни слуху ни духу. Его нашли бы, будь он жив. Скорей всего, погибла и Ида Рафферти, а индейцы растворились в местном населении. У одного из них на Саттанге есть родня. Родню оповестили, но – безрезультатно. Оповещали местные власти. Если индеец из страха уговорил родню не выда-

вать его – значит, действительно была измена. И Макс погиб так, как рапортовали выжившие. Если же его убили... то его убили. Я уверен в одном: будь он жив, мы бы знали.

– Я не верю, что он предал.

Йен вздохнул.

– Прости, я не понял. Я тоже не верю. Поэтому и инициировал дополнительное расследование нашими силами. Когда на меня вышел Кид Тернер, я понял, что не одинок в своих подозрениях. Значит, ты решила лететь на Саттанг?

– Не могу же я бросить его там, – я всхлипнула. – Даже мертвого. Мертвого – тем более, он ведь не может уже сам о себе позаботиться.

– А Август?

– Он не летит, конечно. – Я помолчала. – Я больше не работаю у него. Долго объяснять. Долго и не хочется.

– Как знаешь. – Йен помолчал. – Дел, как только будут соблюдены все формальности... Мы уже работали. Сейчас я не имею права даже намекать. Заканчивай с формальностями, а я готов помогать хоть сейчас.

– Хорошо, Йен. Мне просто нужно очнуться. Очнуться и включиться. И клянусь, я найду не только его труп. Я найду вообще все.

Йен грустно кивнул.

– А чем тебе не нравится псевдоним «Ева Браун»? – искренне удивился Кид Тернер.

– Тем, что так звали жену Гитлера.

– Гитлер предал человечество. Макс считается предателем, ты жена предателя. Символично, по-моему. Люди с чувством юмора оценят.

– Он не предавал!

– Так и замечательно. Кому придет в голову, что такой нелепый псевдоним взяла себе жена честного человека?

– Если уж тебе хочется исторических параллелей, то, согласись, Жозефина Богарне звучит куда круче, – ехидно заметила я. – Тем более что она, как и я, разведенная жена.

– Ты б еще Медеей назвалась, – парировал Кид. – А что, тоже брошенная жена.

Я сдалась.

– Она хорошая, эта Ева, – заверил Кид. – Совершенно как настоящая. Путешественница, журналист-натуралист, ее посылают туристические агентства открывать новые маршруты. Ева может появиться где угодно в любой момент, и никто не удивится. Два раза в одном месте не бывает, ей это неинтересно. Очень хорошая Ева.

Я пожала плечами. На самом деле мне было безразлично. Ева так Ева. Хотя, конечно, это издевательство. Капитан

тактической разведки Офелия ван ден Берг, княгиня Сонно, рабочий псевдоним – Ева Браун. Охренеть не встать. Одно-го не отнять: совершенно ничего общего с моим настоящим именем.

Я отвыкла носить форму. Спецразведчик надевает форму редко. Полевую – когда ожидает назначения, на базе. Надо же в чем-то ходить. А на праздники мы надеваем парадную – черную с серебром и сапогами по колено. И с двумя ножами. Диверсионный кинжал на поясе и прямой широкий нож за голенищем. Полевая форма – только с кинжалом, тактический нож каждый подбирает сам, какой ему удобнее. Курсантская форма без оружия. Такую я носила, будучи студенткой. И сейчас, когда я прошла по территории университета, на меня никто не оглянулся. Хоббит как хоббит. Только на кармане куртки – булавка с парой малюсеньких меховых тапочек. Тапочки дарят выпускникам, потому что мы – хоббиты. Древние хоббиты носили такую обувь и поэтому ходили бесшумно. Они были разведчиками и всегда доходили до цели.

Оно конечно, я понимала – оглядываться не оглядывались, но заметили меня все. Пока я говорю с Тернером, юные хоббиты проверяют по базе, уточняют детали. Через полчаса наверняка будут ждать на улице – я все-таки местная знаменитость. Слава почему-то нисколько не радовала меня. Только не сейчас.

Передо мной на столе лежали документы. Диплом об об-

разовании, разрешение на хранение, ношение и применение всех видов стрелкового оружия, лицензия на пилотирование малотоннажного атмосферного, надводного, подводного и космического транспорта. На имя Евы Браун. В конвертике – чип. Меня учили самостоятельно менять чип. Ничего сложного, но если рука дрогнет, легко сжечь себе все нервы вплоть до спинного мозга.

– К тому же, Делла, это ведь не основной чип, – добавил Кид.

– То есть? Кид, я плохо поняла: что с моей легендой?

– А зачем легенда? – удивился Кид. – Она тебе не нужна. Ты же ассистент инквизитора...

Я закатила глаза. Очень выразительно.

– ...уважаемый человек с безупречной репутацией. У тебя есть задание. Я списался с Маккинби, он прислал копию лицензии и договор на Ситона. Удивился, почему этим не озаботилась ты, – поддел меня Кид. – Я ответил... Тебе интересно, что я ответил?

– Соврал небось?

– Ну что ты, как я мог? Я вообще честнейший человек, если ты забыла... Я сказал, что ты очень расстроена и огорчена. Что раньше ты держалась из гордости. А стоило тебе оказаться в одиночестве, как беда предъявила свои права. И я, конечно, вошел в твое положение и дал трое суток на отдых.

Впервые в жизни я готова была ударить Кида.

– Ты... ты что, так и сказал ему?! – прошипела я.

– Конечно. А пусть ему будет стыдно, – простодушно ответил Кид. – Он же отлично понимал, что ты физически не сможешь отказаться от этой миссии. Ну и чего он выделяется-то?

– Кид, я бы хотела предупредить тебя: не стоит шантажировать Августа мною.

– А его никто и не шантажировал.

– На мою судьбу ему наплевать.

– Это его личные трудности. Главное, что он пообещал – и уже мне! – подготовить и переслать все материалы. Перешлет он тебе, через пару недель.

– Если кого-то тут интересует мое мнение, то от сотрудничества с федералами будет больше пользы.

– Ты про Йена Йоханссона?

– Он говорит, для нас много интересного.

– Не сомневаюсь. Договоренность о сотрудничестве есть, можешь не волноваться. Здесь, – Кид глазами показал на стопку карточек на столе, – ты найдешь все, что нужно. А насчет Евы Браун не парься. Без этого вообще можно было бы обойтись. Но вдруг тебе потребуется скрыться? Или, наоборот, появиться незамеченной? Приятно иметь такую возможность.

Я только покачала головой.

– Пожалуй, я прямо от тебя поеду к Йену.

– Держи меня в курсе.

Разведчик не говорит «Да, сэр».

Разведчики называют друг друга по имени.

Так принято.

* * *

– И ты была в этой форме, когда познакомилась с Максом? – спросил Йен.

– Нет. Я была в черных джинсах и омерзительной розовой майке.

– Гм. Просто ты в форме выглядишь так, что нельзя не влюбиться. Ужасно трогательно и беззащитно.

– Ну спасибо.

– Не за что, – Йен позволил себе улыбку.

Он распахнул передо мной дверь своего кабинета. Стандартное помещение два с половиной на четыре метра. Белые стены, яркий свет. Типовая мебель. Ноль индивидуальности. Йен пододвинул мне стул и включил кофеварку. Когда кофе сварился, налил в две чашки и поставил на стол. Я только пригубила – мне нельзя кофе.

– Тебя с ходу обрадовать или как?

Йен застыл. Потом прищурился. Я отметила, что раньше у него не было такого взгляда.

– С ходу.

– У меня нет никакого, мало-мальски осмысленного плана работы. Вообще.

– А ограничения? – отрывисто спросил Йен.

– Как обычно. На нашей территории – федеральное законодательство. Считай, что я по-прежнему ассистент инквизитора.

– Ну, это еще не самое плохое, – выдохнул Йен. – Я боялся, что тебе, наоборот, навяжут какой-нибудь план, отвечающий всем стандартам армейского идиотизма.

– Прости, но та манера работы, какую от меня ждут, – и есть верх идиотизма. Это я еще Маккинби не обрадовала, что его ассистент ему больше не подчиняется, но отвечать за мои промахи, насколько я понимаю, именно господину инквизитору первого класса, и никому больше.

– Естественно, – Йен пожал плечами. – Начальство все такое. Нипочем не станет отвечать за свои ошибки, если есть возможность свалить ответственность на другого. И лучше, если этот другой – не из их ведомства.

– Причем формально он работает по другому делу.

– Проблема, – вздохнул Йен. – Тогда я не имею права показать тебе материалы по Максусу.

– Имеешь, потому что моя работа ассистентом – только легенда. – Я положила на стол карточку. – Проверяй.

Йен сунул ее в сканер, развернул виртуальный монитор и быстро прочел. Приказ директора Агентства федеральной безопасности об оказании помощи Офелии ван ден Берг по всем вопросам, связанным с поисками погибшего Максима Люкассена.

– Отлично, – кивнул он и вернул мне карточку. – То, что надо.

– Есть и хорошие новости. Кид Тернер обещал, что работать будем все вместе.

– О! То есть я могу не бояться, что в один прекрасный день ко мне явится какой-нибудь лощеный Алистер Торн и заберет улики?

– Можешь. Кид на твои находки не посягнет. Если, конечно, ты не отыщешь что-нибудь по факту реальной измены. Это придется отдать.

– То есть поиски Макса – лишь повод, я верно понял? А что про действия, приравненные к измене?

Я отрицательно покачала головой.

– Ого, – у Йена заблестели глаза. – Похоже, кто-то кому-то сильно насолил, если даже корпоративная солидарность отложена до лучших времен... Отдать офицера гражданскому суду – какая утонченная месть.

– Я об этом не подумала.

– А о чем подумала?

– О том, что контрразведка банально перегружена. Помянутый тобой Алистер Торн конкретно утонул в деле Куруги и «Энимоушен», и вместе с ним – четверть всех наличных следователей. Сам понимаешь, туда оттянули все таланты.

– Как по мне, это даже лучше.

– И вот тебе персональный привет от Кида Тернера, – я положила вторую карточку. – Все материалы, которые на

данный момент есть у него.

– Официально или так?

– Официально.

Йен просмотрел.

– Я все это уже видел. Показали для ознакомления, без права использования. Хорошо, что теперь можно использовать. Ты сама это читала?

– Нет еще.

– Потом прочтешь. Курить можно. Значит, смотри, что у нас есть. Есть чип командера Люкассена, есть бортжурнал, есть рапорты Рублева и Мимору. Есть бывший заложник Люкассена. И у нас есть триста три пассажира. Есть допросы всех свидетелей, которые видели Макса на Тору и базе «Абигайль». Допросы очень качественные, оснований не доверять им нет. По факту что-то знают заложник и три пассажира. Остальные не присутствовали, когда Люкассен совершил измену, и о мятеже узнали, когда началась перестрелка на борту. Пассажиры твердят, что вообще ничего не поняли, там две трети и не видело, и не слышало ничего. И есть рапорт механиков о состоянии корабля. У него выведены из строя системы бескосмодромной посадки и старта. Намеренно и необратимо. Чип в данный момент у нас, бортжурнал у контрразведки, заложник у военных, свидетели черт знает где. Ты все это прочитаешь сама. Я не хочу сбивать тебя с толку, мне важно знать твое мнение.

– У меня есть мнение, – сказала я. – Сразу. Чип проверя-

ли?

– Да. Нам его, собственно, на дополнительную экспертизу передали. Никаких сомнений.

– Ты помнишь историю с чипами?

– Поэтому я и ждал, пока к расследованию подключитесь вы с Августом. Августа не будет, что ж, справимся сами.

– А без меня ты никак не мог попросить Хуана Антонио?

– Уже. – Йен помолчал. – Он не нашел, к чему придраться. Интуитивно – да, чувствует подделку. Но и только. Я связался с мастером Вэнем. Он в госпитале. Нашелся равнодушный человек, оплатил лечение. Два дня назад Вэнь прилетел на Сибирь. Ему предстоит несколько серьезных операций.

– Он ведь слепнуть начал...

– Уже ослеп. Не беда, поправят. Но работать он не может. Я побарабанила пальцами по столешнице.

– Ты ведь знаешь, кто такой Дмитрий Гаврилович Павлов? Йен не сумел удержать смехок:

– Догадался. Я даже в госпитале у него был. Вчера. За час до того, как его забрали в операционную. Мне очень хотелось поглядеть, каков он в действительности, без маски.

– Разный. Даже без маски. На Сибири, на Земле – он один. А на Дивайне я увидела его настоящего. До сих пор ужасаюсь: это насколько же безрассудным надо быть, чтобы сунуть свои мозги в управляющий центр Чужих. Но Дима нас спас. Работать он, конечно, не сможет раньше, чем через неделю...

– Больше. Минимум две недели. Похоже, там идет речь

уже о замене обеих ног.

– Тогда остается только Князев.

– Дел, ты меня недооцениваешь. И с ним я тоже говорил.

– И?

– Мне нечего предложить ему. Может быть, у разведки есть, чем его соблазнить?

– А-а, так он отказывается.

– Он не отказывается, он просто выше этого. Говорит, это все мирское, о душе надо думать. Целую проповедь мне закатил. Попробуй ты. У меня сложилось мнение, что он тебя уважает куда больше, чем всех остальных, кто работал по банде Бейкеров. Насколько Князев вообще, конечно, способен уважать тех, кто погружен в мирское. Похоже, у него защитная реакция такая, он теперь прячется в свою веру, чтобы его опять не соблазнили, как в прошлый раз.

– Хорошо. Эту проблему я решу. Бортжурнал?

– Подделан.

– Вот так.

– Да, и никто особо этого не скрывает. В материалах все есть.

Я снова постучала пальцами по столу.

– Где заложник?

– В военной тюрьме. Мимору посадил его до окончания следствия. Как важного свидетеля и вероятного соучастника.

– Можешь перевести его в федеральную?

– Уже дал запрос. Ответа пока нет.

– Что за секретный груз должен был доставить Макс?

Йен с деланным удивлением поднял бровь:

– Ты и это знаешь?

– Дик Монро сказал.

– Ах, Дик... Спасибо. Теперь я знаю, кто у нас сливает информацию. Используем. Дел, про этот груз ничего не известно. Его не должно было быть.

– Но...

– Обычная контрабанда. Ее в третьем округе возят все. Есть грузы «честные», это фактически снабжение незарегистрированных колоний. Есть «нечестные», это уже полный криминал даже по понятиям Фронтيرا... А тут – действительно ничего не известно. Знали двое. Оба погибли в ходе перестрелки на корабле. И все, что удалось найти мне, – единственная обмолвка одного из пассажиров, которому проболтался парень, впоследствии убитый. Утверждают, что застрелил его Макс. В упор. Безоружного.

– Версий две. Либо Макс хотел присвоить груз – в чем я, зная, сколько у него денег и как быстро он вынимает из воздуха еще больше, сомневаюсь, – либо он не хотел брать этот груз.

– Дел, просмотри все, что есть на данный момент.

– На жену Мимору у тебя что-нибудь есть?

– Работаю.

Я встала.

- Пойду изучать.
- Заходи, как будет, чем поделиться.
- И ты звони.

* * *

- Ну здравствуй, Василий Князев.
- И тебе не хворать, Делла Берг.

Нас разделял стол в зале для свиданий тюрьмы «Онтакама». Я смотрела на спокойного мулата, он смотрел на меня.

Талантливый, на грани полной гениальности, математик, умелый механик и удивительный раздолбай, Князев отдельно прославился тем, что его выгнал мастер Вэнь, а потом сказал остальным ученикам: будете валять дурака – закончите так же, как Васька. Мастер не ошибся: закончил Князев тюрьмой, и очень быстро. Исключительно по раздолбайству, вернее, слабОВОЛИЮ и склонности подпадать под дурное влияние. Может, это все к лучшему: подумать страшно, чего бы Князев натворил, умей он сам подчинять своей воле других. С его-то мозгами.

- Как тебе тут живется?
- Хреново. Не знаешь, моя бывшая жена вышла замуж?
- Нет. Родила мальчишку, назвала Беном, крестила в католичество.
- Вот зараза.
- Это жизнь, Василий.

– Все хотел спросить: а ты кто по вере?

– Агностик. Но крещеная – в лютеранской церкви.

– Православные с лютеранами ладят. В православии сейчас разрешено даже венчаться с протестантками без пере-
крещивания.

– Да у меня половина семьи такая, половина – такая...
Любимый из моих кузенов – православный поп. Сейчас на
Земле. Хочешь, попрошу его навестить тебя?

– Было бы хорошо. Здесь есть священник, но другой ве-
ры. Мне бы, конечно, православному батюшке покаяться...
А твой как?

– Смотря о ком ты.

– Да с твоим боссом все понятно. Он никогда не женит-
ся. Даже на тебе. Хотя ты ему нравишься. Но у него та-акой
соперник...

– Он погиб. Я вдова, Василий.

– Сочувствую.

– Спасибо.

Он помолчал.

– Тебе правда важно мое сочувствие?

– Правда.

– Почему?

– Потому что я засадила тебя в эту тюрьму, а ты мне со-
чувствуешь.

– Думаешь, я еще не совсем пропащий?

– Ты идиот, Василий Князев, но ты не подлец.

– Теперь тебе спасибо. Зачем ты пришла, Делла Берг?

– Чип.

– О-о, нет, не буду. Я дал обет, что больше никогда не прикоснусь к чипам.

Это обнадеживает, подумала я. Если он Йоханссону о духовном задвигал, а со мной – вот так по-простому, значит, есть шанс. Чипы Князева пугают, еще бы, они должны его пугать, он в тюрьму из-за подделки чипов угодил. Но это не повод совсем отрешиться от всего земного и потерять надежду. Йен просто не был похож на человека, с которым может связывать какие-то надежды раскаявшийся грешник. Йен слишком похож на следователя, на что с ним надеяться, кроме нового срока...

Я подалась вперед:

– Василий, когда на суде тебя обвинили в убийстве Соломона Герхарда, мы доказали, что ты ничего не знал. Помнишь?

– Ну.

– Макса обвинили в измене Родине. И мне важно знать, как он умер. Федералы твердят, что чип не подделан. Я хочу знать твое мнение.

– Нет, Делла Берг. Прости.

Так. Деньги ему сулить бессмысленно, он их теперь боится не меньше, чем чипов. Да и тратиться заключенному особо не на что.

– Что я могу для тебя сделать?

– А что ты можешь? – буркнул он уныло.

Я выдержала паузу.

– Ты хотел сказать, что может разведка?

– А ты оттуда?

– Капитан тактической разведки Офелия ван ден Берг.

– Иди ты. Хорошее имя, кстати. Мученицу одну так звали.

Муллат помолчал. Его пальцы выстукивали задумчивую дробь по краю переговорного стола.

– А знаешь, Делла Берг, есть у меня мечта. Хочу иконы научиться писать. Наши, православные. Но для этого надо жить в монастыре.

– Хочешь постричься в монахи?

– Хочу веры живой. Устал я от света. Одни соблазны. Хочу в монастыре встать лицом к лицу со своими грехами.

Ну-у, началось, вот и обещанная защитная реакция. Нет, я не имею ничего против, если ты это серьезно, но сначала, Вася, ты нужен мне.

А там поглядим, нужен ли тебе монастырь.

– Я скажу на днях, что могу для тебя сделать.

– Я буду ждать.

* * *

– Как договаривались, Василий Князев.

– Спасибо за то, что попросила батюшку. Приходил. И так мне на душе легко сделалось, аж слезы потекли.

– Насчет мечты не передумал?

– Какое там, еще больше стремлюсь. А ты?..

– Венера, Свято-Успенский монастырь в Калязине-Новом.

Мулат широко раскрыл глаза, потом нервно хихикнул.

– И что, меня туда прямо так возьмут?

– Там много таких, как ты. Грешников, которые идут спасать душу.

– А иконопись?

– Крупнейшая мастерская в Солнечной системе.

Князев помотал головой.

– Не верится, чтоб все было так просто.

– Просто, Василий, теперь не будет никогда. Ты же в монастырь собрался, это что, по-твоему, шуточки?

Князев быстро закивал.

– Я знаю, знаю... Но для меня это... Это служение, понимаешь? Это радость.

– Дорога к радости тоже не будет простой.

Он опустил глаза, набрал побольше воздуха и выдохнул:

– Слушаю.

– Ты подпишешь договор о сотрудничестве. Разведка и контрразведка. И выполнишь его. Попутно с тобой будут работать психологи. Потом тебя переведут на поселение в Дмитров-Новый, в ста километрах от монастыря. В поселении есть православные храмы. Через полгода безупречного поведения тебе разрешат поездки в монастырь. Если выдержишь.

жишь два года, тебя проведут по амнистии, и ты сможешь стать послушником. А там – как обычно по монастырскому уставу.

– Я смотрю, ты уверена, что чип подделан. Иначе не обещала бы так смело.

– Я уверена, что Макс не мог стать изменником.

– Ладно, Делла Берг, договорились.

Уверена, по моему лицу ничего прочесть было нельзя, но Князев, видимо, готовился внутренне, что я удивлюсь – как легко он согласился, – а может, просто хотел выговориться.

– Мне батюшка все объяснил насчет обета моего. Сказал – если ради спасения другого человека, то можно. А для выгоды нельзя. Твой, конечно, погиб, но память обелить надо, тоже, если разобраться, спасение. Ибо всякое разоблачение лжи есть дело праведное.

Честное слово, я на батюшку не давила. Я просто в общих чертах описала ему проблему, и мы сошлись на том, что, в первую очередь, для самого Князева так будет лучше.

– Тогда жди. Завтра тебя переведут в изолятор Агентства федеральной безопасности. И будем работать.

– Будем. Раз ты со мной честно, то и за меня не тревожься: я не подведу.

* * *

– Ох ничего себе у вас тут оборудование! – Князев восхи-

ценно оглядел лабораторию.

– Снимите с него наручники, – приказал Йен Йоханссон.

Князева освободили. Конвоиры удалились за дверь. В помещении остались Йен, я и Кид Тернер. Князев уселся за терминал, скомандовал:

– Заряжай.

Йен ввел чип в прорезь сканера.

– Ну? – спросил Князев, только глянув на первые строки кода. – Йен, ты меня совсем за идиота держишь?

– Проверка оборудования, – ответил тот и заменил чип на настоящий.

По монитору потекли столбцы цифр и символов. Василий отрешился от мира, глаза вспыхнули. Мы молчали и ждали. Князев вызывал и убирал дополнительные виртуальные мониторы, колдовал над клавиатурой. Я принесла Йену и Киду кофе, а себе и Князеву – чай с сахаром. Он кивнул не глядя, нащупал кружку, глотнул.

Через полчаса он остановил воспроизведение, выведя на большой монитор кусок кода. Чуткие пальцы потеряли виски. Еще через десять минут Князев издал довольный возглас и выделил ядовито-красной подсветкой несколько строк.

– Подделка, – изрек он устало.

– То есть носитель чипа умер не так, как зафиксировано?

– Этого я не знаю. Просто информация, которая должна поступать в хронологическом порядке, писалась одновременно и в порядке нарастания размера файла, а при есте-

ственной записи так не бывает. Хотя сделано качественно. Я в свое время делал хуже. Вам как, полная экспертиза нужна?

– Сейчас я позову нашего программиста, – сказал Йен. – Составите рапорт под двумя подписями.

– Иди ты, – восхитился Князев. – Значит, меня как эксперта укажете?

– Ну раз ты эксперт, то укажем, конечно, – согласился Йен.

– Ничего, что я в программировании – самоучка?

– Главное, что подделку нашел, – резонно заметил Йен.

А Кид Тернер подсел к терминалу и уставился на код.

* * *

Сутки спустя мы сидели в университетской лаборатории связи на факультете разведки. Я, Йен, Кид Тернер. У всех были красные от недосыпа глаза. Но позволить себе отдых мы не могли: промедление сейчас было опасно.

Князев и федеральный программист завершили экспертизу. Результаты превзошли все ожидания. Индивидуальный чип, хранивший информацию о Максиме Люкассене, оказался стопроцентной фальшивкой. То есть данные не просто отредактировали – их сочинили.

– Что у нас есть, – говорил Кид Тернер. – У нас есть человек, который якобы видел труп Люкассена. Свои слова он подтверждает тем, что снял чип. Чип фальшивый. Значит,

нет ни одного доказательства, что труп Люкассена видел хоть кто-то. Кроме того, у нас есть бортжурнал, который тоже подвергся более значительной редактуре, чем мы ожидали. Редактура затронула практически весь период от Тору-2 до «Кромвеля».

– Прямо даже жалко отпускать Князева в монастырь, – негромко сказал Йен. – Такой специалист.

– Чего сразу – жалко? – удивился Кид. – Это обычный православный монастырь, без каких-то особых запретов на сношения с внешним миром. Тебе даже проще будет, потому что все вопросы решаются через игумена. Игумен там договороспособный, иначе мне не удалось бы условиться насчет Князева так быстро.

– Интересные у тебя связи, – обронил Йен.

– У тебя они, представь себе, тоже есть. Вообще у всех есть. Этими вопросами занимается небезызвестный многим Скотт Маккинби-младший. Да, католик. Но как оказалось, хороший дипломат. Он и помог.

– Давайте не отвлекаться, – попросила я. – Итак, мы ничего не можем утверждать. У нас есть только два неоспоримых факта. Люкассен прибыл на Тору-2, где взял людей, и останавливался на базе «Абигайль», где его видел комендант. Мы не можем утверждать, что люди, прибывшие на базу «Кромвель», – те же самые, какие улетали с Тору-2. Мы не можем утверждать, что Люкассен был на Саттанге. Мы не можем утверждать, что на борту был мятеж вследствие из-

мены командера.

– Мы даже не можем утверждать, что он мертв, – обронил Йен. – Трупа-то нет.

– Ну да, формально он пропал без вести. Кроме того, без вести пропали навигатор Ида Рафферти, индейцы Кер и Санта.

– Я запросил «черный ящик» с корабля, – вставил Кид Тернер.

– Почему это не было сделано раньше? – спросил Йен.

– Не было оснований. Заключение о подделке бортжурнала я получил только вчера. Себя вини в задержке.

– И еще у нас есть свидетели. Заложник, – напомнила я. – И пассажиры.

– Уже нет, – ответил Йен. – Заложник убит при попытке к бегству. Мимору сообщил, что приказал переправить задержанного в мое распоряжение, а тот решил, что это хороший момент для побега. Был убит. Фактически, случайно: конвоир стрелял на предупреждение, пуля срикошетировала и пробила левую почку. Мужика можно было спасти, если бы отыскался врач. Врача под рукой не было, а пока раненого довели до госпиталя, он скончался.

– А пассажиры? – я прищурилась. – Только не говори, что тоже убиты. Или?..

– Нет, почему же. Порядка двухсот человек – на месте и доступны. Ничего не знают, ничего не видели. Они, кстати, не контрактники. Рядом с базой есть закрытая религиозная

община, все они оттуда. Откуда взялась еще сотня – они не знают, впервые увидели этих людей на корабле. Так вот, две-сти голов у нас полным ходом направляются к другой общине своей секты, а те сто с лишним – растворились в воздухе.

Я покосилась на Кида Тернера:

– Кажется, Скотту-младшему подвалила работенка. Если мне не изменяет память, он ведь по должности обязан проверять деятельность религиозных организаций.

– Уже, – кивнул Кид. – Проблема в том, что эта секта – не зарегистрирована как секта и вообще как организация. Ничего, Скотти справится. Искать он умеет ничуть не хуже старшего брата. Я с ним уже работал.

Йен обхватил себя пальцами за подбородок, и этот жест почему-то резанул мне по глазам: точно так же делал Август.

– Трудная ситуация, – заметил Йен. – Я не про свидетеля. Нам опять нужен Князев. База «Абигайль». Люкассен что-то искал в архивах. Да, он работал со своего чипа, но какие-то следы должны были сохраниться. Теоретически, с этим может справиться другой специалист. Но на практике именно Князева проще отрезать от внешнего мира, чтобы не болтал. Кид, как сделать, чтобы Князев попал на «Абигайль»?

– Сделаю, – хмуро ответил тот. – Если он не заартачится.

– Князева беру на себя, – пообещала я.

– Тебе нужна команда, – обронил Кид.

Я подумала – и покачала головой.

– Кид, она не нужна.

Кид Тернер очень внимательно поглядел на меня. Похоже, мы думали одинаково. Если на Саттанге все так плохо, то у меня одной куда больше шансов выполнить миссию и выжить. Большая группа привлечет внимание. А индейцы, между прочим, умеют очень быстро и незаметно для нашей техники обмениваться новостями. А если на Саттанге все хорошо, то я и одна управлюсь.

– Груз, груз... – пробормотал Йен. – Пофантазируем? Да. Давайте пофантазируем. Макса мы все знали, кто-то лучше, кто-то хуже. Логику Макса мы можем смоделировать хотя бы приблизительно. Можем ведь?

– Пф, – сказал Кид, – я знал его как облупленного. Мимору, как все генералы Фронтيرا, возит контрабанду на военных кораблях. Это удобно. Макса сам подход удивить не мог, поскольку его мать тоже в свое время возила генеральскую контрабанду. Люкассен считался авантюристом, значит, служба под началом Рублева, он участвовал в операциях такого рода. Там просто нет другого повода по-настоящему круто полетать и показать себя лихим пилотом. Люкассен не находил эти операции бесчестными. Судя по обмолвке насчет груза, Макса привлекли для перевозки именно контрабанды, но уже для Мимору. У Мимору есть свои возчики, однако он запросил людей у Рублева. Значит, груз сложный, и у Мимору не было специалистов, способных его взять. А Люкассен к тому времени зарекомендовал себя человеком, пригодным для решения нестандартных задач. Раз в группе

условных пассажиров были люди, знавшие про груз, значит, вся эта группа предназначалась для огневой поддержки. Да, там была сотня откровенных головорезов и две сотни сектантов. Мы об этой секте не знаем ничего, зато знает все Мимору. Не исключено, что он смело использовал их втемную, поскольку они управляемы и привыкли исполнять приказы без размышлений. Но тогда речь уже не о контрабанде, а о грабеже. Группа в триста и более человек – груз очень ценный, трудно добываемый. Я предполагаю, что Люкассену не сообщили подробностей. Он знал о том, что будет груз, но питал какие-то иллюзии на предмет пассажиров. Потом он их увидел, и кто-то вынужденно сдал ему полный план операции. Макс отказался, сочтя его бесчестным.

– Вот даже интересно, что такого можно взять на Саттанге, если для этого нужен федеральный крейсер и триста стволов?

Вопрос Йена повис в воздухе.

– Чтобы это было еще и бесчестным с точки зрения князя Сонно? – добавил Йен. – У которого предки еще сто лет назад с гордостью именовали себя пиратами?

– Работоторговля отпадает, – сказала я. – Объем большой. Ну сколько индейцев влезет в трюм крейсера? Максимум тысяча, и то битком. Это хорошо для постоянных поставок на рынок, но разово – овчинка выделки не стоит. Что еще? Наркота? Да кому она нужна, брать ее с таким риском... Нет там никакой особенной контрабанды. Саттанг, в общем-то, пу-

стой в этом плане. Ну, золото-платина. Этого добра полно и поближе, вон, в Ядре можно взять голыми руками. Причем для операции потребуется не триста стволов, а пара первоклассных навигаторов, чтоб потом уйти оттуда. Саттанг интересен только как форт, он же практически в тылу у диссиды. Если б не это, его бы не разрабатывали вообще.

Кид Тернер тяжело вздохнул.

– Я зайду к стратегам, – сказал он.

– Со мной, – уточнил Йен. – Мне интересна эта культура.

– В таком случае, господа, – я обвела всех взглядом, – работаем. Я еду в «Онтакаму» и уговариваю Князева. Потом навещу Рублева. Встретимся на «Абигайль».

– Вопросы есть? – спросил Йен. – На сегодня все. Приступаем, господа.

* * *

– Офелия ван ден Берг, – генерал Рублев медленно произнес мое имя и испытующе посмотрел. – Она же Делла Берг. Известная личность. Чем могу быть полезен?

У меня не было ни одного повода требовать хоть какую-то информацию от генерала Рублева. Он явно не имел отношения к смерти Фирса Ситона, а что касается Макса, то у меня не было полномочий допрашивать его начальство. Поэтому я решила просто попросить.

Генерал принял меня в общей приемной, и принял с про-

хладцей.

– Вам известно, кто такой Максим Люкассен?

Генерал приподнял брови.

– Я так и думал. Само собой. Он просил не распространяться об этом. Вот чего не знаю – с какого бодуна он вдруг отказался от всего, что имел. Дело интимное, и я не лез с расспросами. Полагаю, вы понимаете меня.

– Более чем хорошо понимаю. Верьте или нет, но я тоже не знаю – и тоже не лезла с расспросами.

– И что, даже повода не было? Вы, разведчик – да-да, про вас я наслышан, – и ассистент инквизитора, ничего не заподозрили?

– Ничего, кроме обычной его взбалмошности. Мы поссорились, он пообещал навсегда исчезнуть из моей жизни. Исчез. Потом ко мне внезапно явился его поверенный и сообщил, что отныне я управляю княжеством. А спустя еще несколько месяцев я узнала, что Макс погиб при попытке изменить Родине. Чушь какая-то.

– И вы ведете расследование? Верней, ваш босс? А вы ко мне приехали...

– Нет-нет, что вы. Я здесь для того, чтобы выяснить – есть ли вообще основания для расследования. У меня нет договора, нет ничего. Я нуждаюсь в любой зацепке, которая позволит вести это дело официальным порядком.

– То есть вы...

– Интуитивно я знаю, что основания есть, – я весьма

невежливо, но очень искренне перебила генерала. – Они есть у всех, кто хоть немного знал Макса. Не тот человек, который способен изменить Родине. Но нет ни одного факта, позволяющего начать расследование.

– Ах вот оно что... Делла... вы позволите называть вас так? Я помогу вам, чем смогу. Но нам лучше перебраться в другое помещение. Погодите, я закажу вам пропуск на территорию базы.

– Не нужно, – огорошила его я. – У меня приказ министра обороны.

Генерал застыл. Я мягким движением положила перед ним карточку.

– Вот так вот, – сказал он. – Значит, в министерстве тоже у кого-то включилась интуиция...

– Мне очень жаль, но скорей это банальная предусмотрительность. Все-таки Макс – звездный принц, пусть и в прошлом. Семья может возмутиться, что его останки не найдены.

Генерал покивал. Вызвал адъютанта, поставил задачу. Через три минуты генералу подали машину, а еще через десять минут мы оказались на территории базы. Рублев провел меня в свой кабинет, попросил устраиваться с комфортом, сам снял фуражку и китель. Секретарша подала кофе для шефа и чай для меня.

– Люкассен, – сказал Рублев. – Люкассен прибыл на базу в феврале. Представился мне. Мы, кстати, до этого не во-

дили личного знакомства, хотя были наслышаны друг о друге. Он выглядел неплохо, но... Знаете, как человек, которого приговорили врачи. Болезнь еще не проявилась, но она есть, и рано или поздно она победит. Ссора с бывшей женой? Возможно-возможно. Обычно мужчины на развод реагируют менее остро, но Люкассен не производил впечатления толстокожего. Женского общества он избегал, но с некоторыми работал. Навигатор Ида Рафферти плохо ладила с людьми, но с Люкассеном они сразу спелись. Я обратил внимание на его манеру обращаться с инородцами. В его команде было два индейца, и оба на него молились. Кер и Санта. В сущности, мне почти нечего сказать конкретно о Люкассене. О том, каким он стал после смены имени, если вы понимаете, о чем я. Скрытный человек. Дело свое знал великолепно. Со всем не так, как должен бы знать, если он три года после университета служил, потом жил на гражданке, потом еще годик служил и почти в сорок вдруг решил вернуться. Создавалось ощущение, словно у него и не было этого многолетнего перерыва в летной практике. Он хорошо знал материальную часть, убедил меня кое-что заменить на более современные образцы, причем не новейшие, нет. На проверенные, если вы понимаете, о чем я. Разумеется, он отлично ориентировался в реалиях биржи. Я немного играю... словом, он пару раз подсказал мне. Сам не участвовал. Не пил. Изредка я видел его с сигаретой. Мой адъютант заходил к нему на квартиру. Ничего индивидуального, кроме единственной фотографии.

Пластиковая карта, не голография. Дорогая штучка. Когда адъютант зашел, Люкассен сразу положил ее изображением вниз. Уходя в рейд, он брал фотографию с собой. Держал очень мало вещей. Только самое необходимое.

– Когда вы стали доверять ему?

Генерал отвел глаза. Я усмехнулась:

– Бросьте. Я ж не федерал, я тактическая разведка. Все возят контрабанду. И вы тоже. Меня не касаются ваши трения с законом.

– Да я ничего такого и не возил, – сказал генерал. – Стрёмного, как говорим мы, русские... Когда? Да почти сразу. Я, конечно, понимал, что он легко зарывается. Это меня малость тревожило. Потребовалось некоторое время, чтобы нам с ним притереться друг к другу. Я убедился, что он адекватен и в рамках общих дел вполне управляем. У нас случился разговор, и Люкассен очень жестко поставил условие: он не возит рабов, наркотики и то, на чем кровь невинных. Признаться, он почти оскорбил меня таким заявлением. За кого ты меня принимаешь, командер, подумал я. Как бы вам объяснить... У меня твердые понятия о чести. Я еще спросил – а оружие для повстанцев? Он засмеялся: да откуда здесь повстанцы? Это я спросил только потому, что меня задел его тон. Я никогда не торговал оружием. Оружие можно украсть только у себя. Это крысятничество. Моя в некотором роде специализация – дефицитное оборудование. Вот его и возил Люкассен. Он мастер. Он сажал перехватчик

просто в поле, в чистое поле. И потом ухитрялся взлететь оттуда. Командиры кораблей, тем более в ранге командера, редко бывают искусными навигаторами, у них уже совсем другие задачи, их дело – крепко держать корабль в руках и управлять своими людьми... Люкассен умел все. У него был навигатор, Ида Рафферти. Она в подметки ему не годилась. Ну а как вы хотите, Люкассен оканчивал Военный университет, а она – колледж в Схуне. Притом что среди моих навигаторов Ида – одна из лучших. Но Люкассен летал как бог. Ида в него буквально вцепилась, смотрела ему в рот и убить за него была готова, потому что где еще она возьмет такого учителя! Но все равно вела корабль только на маршруте. А как сложный маневр, так Люкассен выполнял его сам. Мои партнеры его обожали. Люкассен? Значит, товар придет точно в срок, минута в минуту, и неповрежденным. Был случай. Надо было доставить цех... ну вы понимаете, у человека нет лицензии, а все условия есть, и жить как-то надо... словом, был временной промежуток в пять часов. Допустим, в тринадцать через систему проходит федеральный патруль, в восемнадцать – контрразведка. Люкассен сказал – успею. А ведь ему с учетом всего на посадку-разгрузку-старт надо было уложиться в два часа. И он успел. Мой партнер до сих пор в эйфорическом шоке. Корабль упал в атмосферу, выгрузил товар, не глуша двигатели, контейнеры забрали роботы, для человека было еще слишком горячо, и взлетел вертикально в ту секунду, когда получатель пересек линию безопасности.

Ровно два часа.

– И вы, конечно, рассказали об этом всем коллегам.

– Да. Мимору... у него была похожая ситуация. Чуть побольше времени. То же самое. Надо проскочить между патрулями. Я спросил Люкассена – сами понимаете, в таких случаях приказы не работают. Он согласился. И вот чем это кончилось.

– Вы не знаете, что за груз вез Мимору?

– Он не вез. Он брал. Золото. Десять кубометров радиотехнического золота. Отвезти заказчику он мог и сам. Проблема была в том, чтобы забрать.

– Да. Хороший куш. Где, вы не знаете?

– Приблизительно. Разумеется, поскольку экипаж мой, я должен знать, мне же нужно давать какие-то объяснения в случае чего. Где-то неподалеку от Спорсы.

– А-а, то есть это шестой радиус.

– Ну... Делла, я понимаю, что есть инструкции, запрещающие одиночные рейды на ту территорию. Но – вы же понимаете. Пограничный облет – раз в трое суток. Задача: проскочить между облетами. Туда-обратно плюс погрузка. Операция рассчитана поминутно. Я полагаю, что Мимору брал золото не на Спорсе, а на Крайне. Просто там больше ничего нет подходящего в вероятном радиусе полета. Но это, конечно, предположение. Я не знал плана операции. Возможно, там была перегрузка в космосе. Допустим, у Мимору корабль с золотом напоролся на патруль, спрятался, но дальше

идти не может, он уже засветился, и надо было снять с него товар и людей.

– Как вы относитесь к версии, что Люкассен изменил?

– Да это бред какой-то. Нет, всякое бывает, я и не такое видел. Да и вы, наверное, тоже. В разведке иллюзии теряются быстро, я немного знаю, у моей жены племянник на первом курсе, хоббит. Уже была практика. И он уже распрощался с детством. Измена? Расчетливая, сознательная? Не-ет. С кем там изменять, там одни эти... крайцы. Мракобесие, религия, мессианские мечты, и ноль реальных шансов. Что там делать такому человеку, как Люкассен? – генерал даже посмеялся. – Из правдоподобных версий у меня только две. Во-первых, Люкассен мог сойти с ума. Он не производил впечатления человека, совершенно здорового психически. Да нормальному человеку в жизни не придет в голову выделять такие трюки! Неспроста в него Ида втюрилась, у которой были проблемы общения, а с Люкассеном – как рукой сняло... Мог, мог слететь с катушек. Во-вторых, могла сложиться ситуация, несовместимая с его совестью. Я уже говорил, он отказался выполнять некоторые задания. У меня и так их не было, я разделяю эти его убеждения. Но Мимору... строго говоря, он не тот человек, с которым я стал бы дружить. Предположим, Мимору в последний момент приказал Люкассену избавиться от людей, сопровождавших груз. Может быть, чтобы замести следы, если золото краденое. Может быть, чтобы не расплачиваться за товар. Куш, как вы верно

заметили, хороший. Я бы от соблазна взять даром удержался. Мимору – вот сомневаюсь. Нехорошо так говорить о коллегах, но он же погубил лучшего моего командира корабля. И даже не извинился. Еще и мне претензии высказал – ты кого мне дал?!

– Если бы вы знали столько, сколько известно мне, Мимору для вас стал бы в лучшем случае нерукопожатным.

– Вот как? – генерал посмотрел на меня в упор. – Мимору солгал, – сказал он утвердительно. – Так?

– Мне придется провести минимальную проверку.

– Ого... – он откинулся в кресле. – Да, я понимаю. Конечно. Пожалуйста, – он протянул левую руку чипом вверх и назвал код. – Подключайтесь.

Я подключилась, вывела на виртуальный наладонник крикую сердечной деятельности Рублева – вполне себе детектор лжи. А потом просто рассказала про Саттанг.

– Что? – недоверчиво переспросил генерал. – Саттанг? Быть того не может. Вы ничего не перепутали? Там же нечего взять! Послушайте, я все-таки на этих вещах собаку съел. Ну нечего брать на Саттанге! Там даже перевалку делать невыгодно! Ну ладно, что-то привезли от диссиды. Допустим. Но вы мне объясните, за каким чертом там командир уровня Люкассена?! Пиратов там нет, диссиды тоже, от нашей резидентуры там уйти ну просто как два пальца обоссать! Да бред же это...

– Зато есть с кем изменять, не так ли?

Генерал раздраженно отмахнулся:

– С Саттанга заколебешься выбираться. Туда бегут, чтобы просто скрыться. Если тут под расстрел, допустим, идешь – там можно сидеть хоть всю жизнь. Но если переходить к диссиде – ни в коем случае не Саттанг! Только через Тварь и Темный Лес! Маршрут через Саттанг потому и не охраняют толком, что это – тупик! Между Саттангом и диссидой – гравитационная аномалия! Ну вы поймите, это же азы большой навигации... Да, дилетантам кажется, что космос пустой, ходи где хочешь. А вот ни хрена! Где-то ты пройдешь, а где-то затратишь горючки в десять раз больше и будешь идти год четыре сраных парсека! А где-то вообще не войдешь или не выйдешь! За Саттангом пути нет! И сам Саттанг это ноль без палочки! Это место для тех, у кого ни мозгов, ни денег, потому что умный человек хоть на Хилизе будет прятаться, лишь бы не на Саттанге! А богатый купит себе другую жизнь и будет жить на Земле! Да не может такого быть...

Я выждала, пока он отшумится, и добила, выложив полную версию.

Генерал Рублев больше не кричал. Он побледнел, широко раскрыл глаза. Потом крепко потер лоб ладонью. Посидел еще немного. Очень тихо и устало спросил, показав подбородком на чип:

– Еще проверять будете?

– Да нет, мне уже все ясно.

– Мне вот тоже. Знаете, я не очень принципиальный, а

вы не федеральный агент. Вы уж сделайте вид, что ничего не слышали. Я убью этого мерзавца. У меня много индейцев служит, у которых корни с Саттанга. Они поймут. А им бежать потом на Саттанг – самое оно. Домой вернутся. Богатыми.

– Не стоит, – возразила я.

– Почему?

– Потому что смерть – это слишком благородно для Мимору. А если за дело возьмутся индейцы, то он еще и мучеником будет. Лучше посадить.

– Ага, он в тюрьме со своими замашками королем будет.

– Не будет. Вам знакомо такое имя – Ричард Монро?

– Еще бы. Треть контрабанды через его руки идет.

– Ричард Монро полагает, что вы, например, честный служака. А генерала Мимору он презирает.

– От так вот, – Рублев опешил. – Тогда вы правы. Лучше посадить. Если тут задеты интересы Монро – лучше, конечно, посадить.

Генерал внезапно замолчал. Потом встал, ушел в подсобку. Принес файл, вынул из него титульный лист. Стандартное досье командера Люкассена. Генерал повозился, устанавливая лист с фотографией вертикально. Снова ушел. Принес запотевшую бутылку водки, три стакана, черный хлеб. Распечатал бутылку, налил по полстакана. Один поставил к фотографии и накрыл горбушкой черного хлеба. Другой подал мне, третий взял себе. Сглотнул нервно:

– Помянем, Делла.

И залпом опрокинул водку в рот. Я незаметно бросила под язык таблетку и тоже выпила. Мне, конечно, лучше обойтись без алкоголя. Но если с таблетками, а потом быстро промыть желудок – то ничего страшного. Доктор Оршан вообще сказал, что если я разок, сугубо в интересах дела, напьюсь в стельку, не будет ничего, кроме, возможно, аллергии. Но если выпивать часто, спирт в сочетании с лекарствами быстро прикончит мою печень.

– Лучше пить водку с женщиной, чем еще хоть раз оказаться в одной комнате с Мимору. Не обижайтесь. Водка это все-таки мужское пойло, женщине больше подойдет коньяк или текила... А водка – напиток для мужской неспешной беседы. Но я лучше поведу такую беседу с умной женщиной, чем буду общаться с Мимору. Вы умная женщина, капитан Офелия ван ден Берг. Вам нужна помощь? Я имею в виду, за пределами того, что разрешено формально. Эх... Люкассен был хороший парень. Возил хорошую контрабанду. Хорошо возил. Люди радовались. У нас трудные законы. Человек хочет заработать, а государство ему – нельзя. Тут нельзя, там нельзя, тут сначала заплати за лицензию, а откуда у человека деньги? Да еще проверки бесконечные... У меня под крылом восемнадцать планет. Все, конечно, незарегистрированные или зарегистрированные криво. Люди там живут. Люкассен возил им, возил от них. Все от этого получали копеечку. Ну вот пример. Есть колония. Там торчит какая-то безобидная

религиозная община и живет еще куча народу без регистрации. Как они туда забрались – отдельная история, потому что космодрома на самой планете нет, есть только на луне. Нужны лекарства. Заказать официально – а они не могут! У них нет федеральной медицинской службы! Они сектанты, понимаешь ли, не тем концом крестятся... А люди болеют и мрут. Главное, врач-то у них есть. Хороший. Он до того, как в религию ударился, федеральный колледж окончил. А лечить ему нечем. И чего? Да ничего. Достали мне все, что надо. Забил восемь контейнеров. Люкассен повез. О да, заплатили нам за это хорошо. Давно видели натуральные рубины в палец величиной? Ящик таких рубинов. А зачем они этим раскольникам? Камни есть нельзя. Они нам ящик рубинов, мы им восемь контейнеров лекарств. Честно? Вот такую контрабанду Люкассен и возил. Туда хрен сядешь, а челноками не навозишься. Чтоб возить челноками, надо на орбите несколько суток висеть, патрули засекут. Только на корабле, чтоб быстро... Вот он садился. И взлетал. Что я теперь скажу людям? Скотина Мимору угробил человека, который делал вашу жизнь чуть лучше? Взял и пустил в расход! Как, я не знаю, пешку какую... А мне скажут – что ж ты, Рублев, ты же слюни пустил, услышав, какая доля тебе за этот рейд причитается. Десять процентов, ага. Теперь ни денег, ни хорошего парня, ничего. Да ни хрена не бунтовал Люкассен. Мимору избавился от него как от свидетеля. Чтобы не платить.

Мы выпили еще. С фотографии в личном деле на меня

устало смотрел Максимилиан ван ден Берг. Коммандер Люкассен. Безвременно и глупо погибший князь Сонно. Макс все-таки нашел приключение, стоившее ему жизни.

– Что вы дальше собираетесь делать?

– Сначала пройду по его маршруту. Может быть, удастся узнать, что за груз. Это важно. Потом, конечно, Саттанг. Потому что тела нет, и надо его найти.

– Тяжелая работа. Я созвонюсь с вашим шефом, подумаем, что можно сделать в плане официального оформления. В конце концов, я пну кого-нибудь из родни Макса, пусть шевелятся. Хотя... Я так понимаю, вы это уже сделали?

– Да.

– Понятно... Ладно, подумаем. И вот что. Я поищу для вас проводника. Вы с инородцами как?

– С орками плохо.

– Индеец. Соглашайтесь, не думайте. Саттанг – дурацкая планета. Взять нечего, а проблемы на каждом шагу. А если коснетесь чего сакрального – труба. Без посредника ничего не добьетесь. Если вообще живы останетесь. Индейцы дико серьезно относятся к религии. И вот что. Коменданта базы «Абигайль» я знаю. Мы учились вместе. Ну как вместе – я на два курса старше. Я напишу ему, чтоб к вам отнесся с душой.

– На бумаге, – подсказала я. – А то мало ли. Я отдам бумажное письмо, он с вами свяжется, тогда и скажете.

– Мысль, – согласился генерал. – Вы отсюда когда? Сегодня, завтра?

– Завтра.

– Вас же надо на ночлег устроить?

Я подумала.

– А можно в квартире Люкассена?

– Да не вопрос. Я скажу адъютанту. И чтоб пожрать чего принес. Вы ведь еще посидите со мной? Как же мне тухло, Делла...

Я посидела. Мы выпили еще полторы бутылки. Генерал ушел спать в подсобку, чтобы подчиненные не видели его пьяным. А я была трезвая – таблетки помогли.

Адъютант генерала Рублева отвез меня к офицерскому общежитию, довел до квартиры, открыл дверь.

– Генерал сказал, что вы будете ночевать здесь.

– Вам кажется странным мое решение?

– У меня хорошая память. Я видел ваши фотографии в прессе. Люкассен и вы.

– Вы кому-нибудь об этом говорили?

– Нет. Даже ему.

– И не говорите пока никому. Это тайна. Личная. Увы, Макса больше нет, и сам он свои тайны охранять не может.

– Да, конечно. Вот карточка от дверного замка, – адъютант положил ее под зеркало в прихожей, – и моя визитка. Если что понадобится – в любое время суток. Осматривайтесь. Я заеду за вами завтра в восемь утра.

Я осталась одна. Огляделась. В квартире было тихо и сухо. Есть два вида пустых квартир – сухие и сырые. Оба вида

одинаково тоскливые, но пахнет лучше в первых. Мои шаги звучали оскорбительно громко, я разулась и стала ходить босиком. Аккуратист Макс не подвел: даже через четыре месяца его отсутствия пол был чистым. Небольшая кухонька. Макс прекрасно готовил, но для себя одного палец о палец не ударил бы. Минимальный набор кухонной техники, такой же скудный выбор посуды. Все чистое и разложено по местам. Только на подоконнике стоит блестящая пепельница и рядом – пачка сигарет. Открытая. Я заглянула – одиннадцать штук.

Гостиная. Такая же типовая, как и кухня. Похоже, Макс прожил тут несколько месяцев, собирался прожить еще самое малое несколько лет и ничего при этом не поменять. Он стер свою личность вместе с именем. И новую заводить не захотел. В санузел я даже заходить не стала. Спальня. Вот спальня меня удивила. Вместо стандартной двуспальной кровати, полагавшейся офицерам по умолчанию, здесь была узкая одноместная койка увеличенной длины – на обычной Макс из-за своего роста не помещался. Тщательно укрытая пледом постель; я отбросила край пледа и опустила голову к самой подушке. Макс не менял белье перед вылетом, и подушка еще хранила очень тонкий, едва уловимый запах – его запах. За все годы, сколько я его знала, Макс ни разу не изменял любимым маркам косметики – и все они были без запаха. Когда, уже после развода, мы проводили маленький отпуск на берегу озера, Макс каждое утро купался в озере, а потом будил меня. И я на всю жизнь запомнила его аромат,

усиленный чистой озерной водой.

Стенной шкаф, где хранились личные вещи. Только то, без чего офицеру обойтись нельзя. Гражданского платья нет. Вся одежда снабжена именными метками. Стол у окна, рядом простой стул. Стол пустой, и посередине лежит стило. Обычное, для бумаги. А бумаги-то я и не видела.

Я вздохнула, повесила куртку в прихожей, убрала в шкаф ботинки. И приступила к обыску.

Обыскивать помещения учат всех – инквизиторов, криминалистов, федералов и разведчиков. Смею утверждать, что нас этому учат лучше всего. В сущности, поиск спрятанной информации занимает половину жизни хоббита. Другую – доставка найденной информации. Я осматривала крохотную квартирку дюйм за дюймом. Мебель, пол, стены, потолок. Встроенная бытовая техника. Уборная, душевая – хотя там бумаги точно быть не может, там слишком сыро для тайника. Одежда, двери. Окна.

Я нашла его. Никаких сомнений, что квартиру уже обыскивали до меня. Но устраивать тайники Макса учила я. И он знал, что его дневник смогу найти только я. В сущности, это был не дневник. Это было одно длинное письмо.

Мне.

* * *

Вызов от Дика поймал меня, когда лайнер встал на доза-

правку у Хилиры. Последний этап, когда технически была возможность говорить нормально, без задержек при передаче данных.

– У меня для тебя кое-что есть, – сухо и деловито сказал Дик. – Не удивляйся. Ты сама знаешь: бывает, когда сосредоточишься на цели, мир внезапно поворачивается к тебе лицом и начинает подавать информацию...

– Знаю. Только мир тут ни при чем. Голая психология, нисколько причем не феноменальная.

– Пусть. Я несколько лет ищу одного человека. Того, от которого моя внучка родила ребенка.

– Я думала, она от бывшего мужа... нет разве?

– Нет, конечно. То есть она хотела, чтобы все так думали. Но родила она от парня по имени Гай Верона. Юрист, причем хороший. Кэрол бросила его, потом жалела, а было поздно – он затерялся. Ходили слухи, что на Диком Западе, и вроде бы даже умер. А сегодня мне сказали, что он жив. Он на Саттанге. Жил в дикой индейской деревне, давал советы местным вождям. Особым уважением не пользовался, поскольку считался рабом. Но как раба его берегли, имущество показалось ценным. Два месяца назад в деревне объявилась пара пришлых индейцев. Муж с женой. Сами они с Земли – ну, ты понимаешь, на Саттанге все, что наша территория, уже Земля. Той деревней правит вождь, который дружит с другим вождем, а тот – родственник пришедшей индианки. Индианка искала младшую жену своему мужу. У них это нор-

мально, бабе одной тяжело тянуть хозяйство. С индейской точки зрения жених хорош и престижен, к тому же он соби-рался в скором времени вернуться на Землю. И обмолвился, что на Земле уйдет из армии, потому что имеет отличные рекомендации, с которыми пара пустяков устроиться в дом знатного вельможи. У него есть гражданство, есть федераль-ная пенсия, так что его жены будут жить очень даже хорошо. Вождь отдал ему одну из своих дочерей. А в приданое к ней – раба-землянина. Вроде как ей на Земле такое имущество пригодится. Сыграли свадьбу, и пришлые вернулись к себе, уведя дочку вождя и ее раба. Чепуховое происшествие. Вот только случилось это неподалеку от лагеря «черных архео-логов».

Так-так, подумала я.

– Я, конечно, решил – совпадение. Вот только у этого ин-дейца жена – которая старшая – приметная. По именам там судить бесполезно, у индейцев их пачка на все случаи жизни, а по внешности – очень даже. У его жены – белая шерсть. Совсем белая. Притом она не альбиноска. И вроде бы баб-ка у нее – оркушка. Точно такая же жена, я узнавал, была у индейца Кера, который бежал с корабля вместе с Бергом. Санта. И она точно бежала вместе с мужем. Других подроб-ностей я не знаю и сомневаюсь, что их можно вытащить из индейцев, там ведь в деревне надо разговаривать, а без язы-ка этого не сделаешь. Я без понятия, говоришь ли ты по-ин-дейски, но могу дать координаты. Имей только в виду: когда

индейцы находят одиноких наших в лесу, особенно женщин, то считают, будто боги послали им лишнего раба.

– Давай координаты, – сказала я. – Разберусь.

Дик сбросил.

– Встретишь Гая Верону – напомни, что у него должок передо мной.

– После чего Верона куда-нибудь удерет окончательно.

Дик засмеялся:

– Ошибаешься. Иногда лучше задолжать человеку вроде меня, чем гнить в индейской заднице. Мне же, если вожжа под хвост попадет, и на Саттанг корабль послать не проблема. А при встрече любой умный человек – а Верона далеко не дурак – может и оправдаться... Благо, он болтать умеет профессионально. Так что никуда он не побежит. Для него мой интерес, каким бы он ни был, лишний шанс вылезти.

Я не стала с Диком спорить, хотя сильно сомневалась, что Верона настолько глуп. Какой смысл ему менять одно рабство на другое? Если только бытовых удобств захотелось... Марионетки Дика ничем по сути от рабов не отличались. Индейцы, небось, еще и поменьше давили на мозги.

Новость от Дика стала очередным камешком в мозаике. Макс, бежав с корабля, посадил челнок в горах. Место посадки челнока нашли. Сам челнок вернулся на корабль. Никаких следов беглецов не обнаружено. Загадка? Я все поняла, едва увидела карту. В трех километрах к северо-востоку стоял тот самый храм, в котором мой брат Крис сфотогра-

фировал Великую Мэри.

В ту экспедицию они ходили вдвоем – Крис и его друг Фирс Ситон. Ходили на двух челноках, но на маточный корабль вернулись на одном. Второй они бросили на Саттанге, потому что Фирс крайне неудачно приземлился: в ложбинку, выглядевшую так привлекательно. Никакой растительности, твердый грунт, и тебя совсем не видно. Через сутки ложбинка заполнилась водой из подземных ключей. И когда люди уходили, то второй челнок лежал под водой на глубине около пяти метров. Закрыли его герметично, так что сломаться он не должен был, но добраться до него нельзя. Поэтому его бросили.

Крис рассказывал Максу про свои приключения. Макс знал, где искать тот челнок. Да, в теории он недоступен. Но Крис сказал – озеро выглядело так, словно вода там появляется циклично, как приливы и отливы. И Макс запросто мог, например, дожждаться отлива. Тогда в его распоряжении оказывался трехместный пассажирский челнок. Втиснуться туда вчетвером не проблема – и шестеро влезут. Вероятнее всего, беглецы сели как можно ближе к спрятанному челноку, потом перебрались на него и улетели куда-то в другое место, бросив заложника вместе с корабельным челноком. Зачем они поступили именно так – предстоит узнать. Но важнее другое: куда они улетели.

Если Дик не ошибся, то следы надо искать аж на другом континенте. Надеюсь, Рублев вспомнит про свое обеща-

ние дать мне проводника и его индеец не откажется сходить в деревню, поговорить с соотечественниками. Может быть, пришлые индейцы обосновались где-то неподалеку. Я почти не сомневалась, что Дик обнаружил именно Кера и Санту. В пользу этого говорило не только совпадение внешнего портрета женщины. Тот индеец собирался искать службы в богатом доме – потому что имел рекомендации. А откуда бы они взялись у заурядного солдата? Значит, солдату повезло служить вместе с человеком, в рекомендации которого будущие работодатели поверили бы. Макс такое поручительство дать вполне мог. Может быть, в качестве последней благодарности, перед смертью.

Но важнее всего мне показалось, что индеец собирался вернуться. Собирался без страха. А ведь на Земле он считался изменником, мятежником. Выходит, что измены не было ни в какой форме. Другой вопрос, почему он до сих пор не вернулся? Добраться до нашего консула – раз плюнуть, если у тебя есть хотя бы машина, не говоря уже о челноке. Консул обязан помочь с отъездом любому, кто имеет федеральное гражданство. Не может служивый индеец не знать таких вещей. Так почему он сразу не пошел в город? Объяснений может быть много. Самое простое – челнок вышел из строя, и индеец ждал оказии, когда в город пойдет попутный караван. Не одному же топать через леса, этак и за полгода не дойдешь. А может, он надеялся пробраться на корабль «черных археологов», ведь тот лагерь не мог жить без сношений

с Большой землей.

Когда я осознала всю глупость этой версии, то поняла, что именно толкнуло Макса на бунт.

Все дело в чести.

* * *

База «Абигайль» выгодно отличалась от других прифронтовых поселений. Она была многолюдной, здесь кипела жизнь. На планете бурно развивалась промышленность, и гражданского населения было раз в десять больше, чем обычно можно увидеть на дальних планетах. Кажется, планета обещала стать одним из крупнейших центров дальней половины галактики – может быть, такой же, как Тварь.

Комендант базы оказался русским – впрочем, чего еще ожидать, Рублев, который с ним дружил, тоже был русским. Звали его Владимир Петрович Иноземцев, и с первого взгляда он производил приятное впечатление.

Я прилетела под псевдонимом и зарегистрировалась в отеле как Ева Браун, журналистка-натуралистка. Отель, на мой вкус, оказался весьма неплох. Случалось мне в ближних радиусах ночевать в местах и похуже. Легендарный танирский мотель, в котором мы с Августом провели первые сутки на курортной планете, был не в пример гаже.

Сутки я потратила на отдых и акклиматизацию. А потом записалась на прием к Иноземцеву, уже под настоящим име-

нем. Не успела глазом моргнуть, как Иноземцев позвонил сам.

– Мисс Берг? Здравствуйте, здравствуйте... Рублев сообщил, что вы приедете. Вы уже на месте? Откройте секрет, как вам удалось проскочить незамеченной? Я же послал лейтенанта в порт, встретить вас...

Святая простота, только и подумала я. Вот и разводи конспирацию в таких условиях.

– ...Мисс Берг, приемные часы у меня завтра, но, если не возражаете, я пришлю за вами машину сейчас. Вы сегодня свободны? Кстати, в городе есть ресторан, кухня великолепная. Что скажете?

А что тут можно сказать? Судя по всему, Иноземцев отчаянно скучал и радовался любым новостям.

Машина прибыла через полчаса. Огромный черный автомобиль, снятый с производства лет сорок назад, но все еще сверкающий и дорогой. В холле отеля меня встретил лейтенант с непроницаемым африканским именем, усадил в салон, как королеву, немедленно предложил бокал вина – так, дорогу скоротать. Я вежливо отказалась, уточнив, что предпочитаю обходиться без спиртного. Почему-то лейтенант жутко обрадовался и тут же сказал, что непьющая женщина нынче большая редкость. Я не стала уточнять, в каком захолустье он успел побывать, потому что на развитых планетах пьянство мало распространено. Да, конечно, на вечеринках народ, бывает, крепко надирается, только большин-

ство позволяет себе такие выходы раз в полгода. А кто ходит чаще, пьет примерно как мой бывший шеф – бокал вина за весь вечер.

Иноземцев ждал меня на открытой террасе. Столик здесь был единственный, хотя места на террасе хватило бы на взвод терминаторов со всей амуницией.

Я отдала ему письмо Рублева.

– Ну что вы, зачем эти формальности, – засмеялся Иноземцев. – Я же просто посмотрел ваши снимки в сети, чтобы не ошибиться. Попробуйте вот этот салат, он целиком из местных продуктов. Разумеется, все натуральное.

Я отдала должное всем кушаньям и не пожалела. Поделилась новостями из «столицы» – каков собой новый министр, что слышно о расследованиях в четвертом округе, будет ли реформа в пограничных колониях...

– А вы, значит, разыскиваете Люкассена.

– Да.

– Мне звонили уже, и не только Рублев. Еще федералы. Не знаю, предупредили ли вас, а я жду гостей. Федерального агента Йоханссона и какого-то компьютерного гения.

– Да, я знакома с ними.

– Мисс Берг, а вы уверены, что вам удобно в отеле? Нет-нет, поймите меня правильно. У меня на базе есть гостевой комплекс. Ничего особенного, несколько коттеджей. Зато никакого воровства и прочих неприятностей. Обедать можно в офицерской столовой. Если честно, у меня договор с

этим конкретно рестораном. Блюда, понятно, попроще, и сильно попроще, зато качественные. А если вам надо будет в город, так я за вами машину с водителем закреплю. Хороший мальчик, вежливый и водитель отменный. Здесь все тропинки знает. А ваши коллеги все равно будут жить на базе, договоренность уже есть. Что скажете?

От такого гостеприимства трудно отказаться. После обеда та же огромная машина доставила меня на базу в пятидесяти километрах от города. Коттедж до боли и слез умиления напомнил мне кампус Военного университета. Хотя с удобствами было лучше – электричество и вода без лимита.

А на рассвете прибыл малозаметный корабль, доставивший Йена и Василия Князева. Само собой, Князев был под конвоем, но охрана – в гражданской одежде, а Князева везли хоть и в наручниках, но скрытых под манжетами обычного пиджака.

Я поехала встречать.

Князев плохо себя чувствовал и явно тревожился. Темно-карие, чуть навывкате глаза шарили по сторонам, во взгляде читалось отчаяние, оливковая кожа посерела.

– Делла Берг, – спросил он с тоской, – ты же меня не обманываешь? Скажи правду: меня ведь привезли сюда в тюрьму? Это уже навсегда, да?

Я пожала плечами. Дальние рейсы часто развивают панические настроения у пассажиров.

– Василий, ты отдохнешь и сам будешь смеяться над сво-

ими страхами.

– Нет-нет, – бормотал он. – Я чувствую.

Когда машина с ним въехала на базу и Князев увидал посты, заборы и вооруженных караульных, то совсем сник. Закрыв лицо ладонями и ушел в молчанку. Не сопротивлялся, когда его завели в коттедж, там сел на кровать и уставился в пустоту перед собой. Я вздохнула – и пошла к коменданту.

– Владимир Петрович, у меня к вам неожиданная просьба.

– Конечно.

– Видите ли, наш главный специалист – вообще-то осужденный.

– А, это бывает. Гений? Они часто влипают в неприятности.

– В городе я видела православную церковь. Может быть, удастся как-нибудь устроить, чтобы свозить его туда? Я знаю, режим секретности...

Иноземцев посмотрел на меня сочувственно.

– Делла, а гарнизонная церковь его точно не устроит? Она, конечно, простенькая. Зато туда я могу пустить вашего парня без наручников и охраны. У нас батюшка пять лет отслужил терминатором, справится, если что, с любым зэком. Хороший батюшка.

Хотя прошло часа полтора, Князева я нашла в той же позе. Йен отвел меня в сторону:

– Делла, похоже, нам без врача не обойтись. Мне не нра-

вится его состояние.

– Погоди, – сказала я и вошла в комнату.

Князев никак не отреагировал на мое появление.

– Ну вот что, Василий, – бодро сказала я. – Тебе ведь надо помолиться? Благополучное прибытие, все такое. Я узнала, где церковь. Идешь?

Он словно бы включился. Взгляд обрел осмысленное выражение.

– Церковь... православная?

– Гарнизонный храм, – беспечным тоном ответила я. – Сам понимаешь, все очень просто, но батюшка славный.

– А... – Князев растерянно посмотрел на руки, все еще скованные наручниками.

– В церкви снимут. На выходе снова тебя зафиксируют. Здесь ведь не тюрьма, а заурядная военная база. Никто не позволит осужденному разгуливать просто так.

Князев порывисто встал.

– Да. Мне действительно нужно в церковь. Делла Берг, ты умная женщина. И деликатная. Спасибо.

В церковь его повели с большой помпой. Двое конвоиров, я и Йен. Я осталась снаружи, поскольку сплеховала, забыв какой-нибудь платок или шарфик на голову – в православный храм нельзя входить простоволосой. Йен заглянул в церковь, через минуту вышел, кивком позвал конвоиров. Еще через минуту он присоединился ко мне.

– А конвоиры?

– Они сами православные, я нарочно их запросил, – сказал Йен. – Васька фанатик, в хорошем смысле, но с такими надо держать ухо востро. Лучше, если его будут охранять парни, кое-что понимающие в его религии. Так что они там остались. Заодно и помолятся.

Напротив входа в церковь нашлась скамеечка, которую мы немедленно и оккупировали. Грело ласковое солнышко, я подставила ему лицо и закрыла глаза.

– Нина усыновила ребенка, – внезапно сказал Йен. – Она тебе еще не писала об этом?

– Нет. Сказала только, что хотела бы.

– Уже. Перед самым моим отлетом.

Йен замолчал, а я поняла, что в его голосе появились новые нотки.

– Как ребенок?

– Нормально. А он же малявка совсем. К тому же Нину знал едва не с рождения. Она дружила с Тори.

– Глупая история вышла. Не могу отделаться от мысли, что ее смерть была не случайной.

– Если ты имеешь в виду, не самоубийство ли это, – нет, точно нет. Я встречался с Тори буквально накануне. Она сама пришла в бюро. Хотела узнать, как сменить фамилию. Боялась, что жертвы Куруги отыграются на ней и ребенке.

– Были основания?

– Да. Ей угрожали.

– А что с той сумасшедшей, которая стреляла?

– Она действительно сумасшедшая. Конечно, с ней работают. Но пока результатов нет. – Йен щелчком сбил крупного жука, упавшего ему на рукав с дерева. – Нина назвала парня Джованни. Джованни Росси.

– Тоже, наверное, музыкантом станет.

– Может быть. Но если сам захочет. Нина его очень любит. Она не станет учить его из-под палки.

На площади перед церквушкой села машина. У меня оборвалось сердце: показалось, что в салоне какой-то крупный мужчина. Очень крупный. Такой же, как Август. Но тут открылись двери, и из машины выпрыгнул бодрый Иноземцев. А крупный мужчина в солдатской форме оказался его водителем. Почему-то я испытала лютое разочарование.

– Вот, нашел, – сказал Иноземцев, подходя к нам и протягивая Йену коробку. – Их сняли с производства, но одна-то штука у меня нашлась. Берите, это же лучше наручников.

Иноземцев принес ошейник-шокер. Такие использовали для транспортировки особо опасных преступников. Потом запретили – были случаи гибели.

– Я подумал: парень у вас спокойный, никуда не побежит. Значит, можно не думать, выгорят ли у него мозги от удара током. А на теле эта штука практически не чувствуется, ничему не мешает, можно сверху надеть свитер с высоким горлом, она и не видна будет. С учетом того, что парень не заставит эту штуку сработать, это будет погуманнее наручников, а?

Йен неспешно рассматривал содержимое коробки.

– Спросим, – сказал он. – У парня свои причуды. А он ведь сам по себе не опасен. Просто гениальный дурак, которого может использовать любой подлец.

– Сколько ему дали-то? – спросил Иноземцев.

– Сотку.

Иноземцев длинно присвистнул.

– Подделывал чипы для банды, которая отправила на тот свет кучу народа, – пояснил Йен. – Я сначала подумал: жестоко как с ним. Он-то сам никого и пальцем не тронул. И даже сдаться хотел. А потом сообразил: его надо держать подальше от соблазнов ради его же блага. Не сможет он жить на свободе. Мозгов много, а воли нет. Это бомба, которая, может, и мечтает о мире во всем мире. Только потом кто-то ее схватит и бросит в толпу. И она взорвется. Просто потому, что это бомба.

Иноземцев слушал, кивал.

– Видал я такого малого. Однажды. Лет двадцать назад. До сих пор сидит на Твари. Пospорил с приятелем, что вскрыет любые двери. Сигнализация, охрана – наплевать. Тот и сказал: а слабо оружейный склад? Тому оказалось не слабо. А приятель не дурак, договорился с кем надо. Парень как сообразил, что на него сейчас кражу оружия повесят, сделал ноги. Его поймали. А он же любую дверь откроет. Ну и открыл. Три года его ловили. И мы, и диссида. Они успели первыми, да-да. Сделали за нас работу. Их-то взять проще, чем

одного ловкача.

– И как вы его удерживаете в тюрьме? – удивился Йен.

– А! Это как раз проще всего оказалось. По своим каналам вышли на Манилова. Ну, того самого, который КСМ. Сибирских киборгов продавать запрещено, так мы в аренду взяли. Парень уже привык, что за ним повсюду две собаки ходят. Нам еще, как на подбор, красивых псов выдали – чисто белых. Парень их сам моет и вычесывает. Освоил две профессии – дрессировщика и ветеринара...

Иноземцев посмеивался, рассказывая, как они перехитрили взломщика. Йен слушал, поддакивал. Иноземцев обмолвился, что того гения на Твари тоже используют для нужд государства. Ну а чего такого, судебный приговор ведь не означает, что человек и его таланты вовсе не нужны государству.

А я куталась в жакетик, как будто мерзла. И яркий солнечный свет казался мне слишком белым и холодным. Где-то далеко-далеко отсюда, на красивой курортной планете Танире, осталась другая собака-киборг. У нее все хорошо. У нее есть муж, элегантный красавец Брюс, колли с родословной подлинней, чем у большинства звездных принцев. И у нее есть надежный хозяин. Брюса подарили мне – на память, решив, что я хочу вернуться к бывшему мужу. Теперь я возвращаюсь к нему – только чтобы похоронить. А Брюс остался в прошлой жизни.

Нет, я не жалела о принятом решении. Я не выношу ли-

цемерия и притворства. Никакой работы у нас с Августом больше не получилось бы. Можно договориться о том, что это не повторится, – нельзя забыть. Некоторые отношения не нужно выяснять, потому что есть риск выяснить правду. Мне все вокруг твердили, что босс влюблен в меня. А босс держал меня на случай, если придется выбирать меньшее из двух зол. Он не хотел, чтобы в его жизни появилась женщина. И согласен был смириться со мной, потому что к моему присутствию притерпелся.

Конечно, я понимала, что мои тоскливые воспоминания объясняются одним: привычка. Мы три года работали бок о бок. Наше сотрудничество было плотнее, чем иной брак. Даже в командировках я созванивалась и списывалась с боссом по многу раз на дню. А теперь я одна. Мне некому звонить и писать. И, конечно, моя психика задает вопросы: а где, собственно, все то, что для нее стало нормой и обязательной частью жизни? Зато я на собственной шкуре прочувствовала правильность этики босса: никогда не заводи романов на работе. Кончается плохо. Я не заводила, просто обстоятельства сложились так, что я поверила в иллюзию. Иллюзия рассыпалась, а вместе с ней рассыпалась моя жизнь.

Честно говоря, в моих словах, мол, я найду себе место, было слишком много бравады. Да, меня действительно ждали в штабе первого округа. Да, мне уж точно всегда найдется дело на Сонно. В конце концов, у меня есть семья – родители, братья. Мой любимый брат Крис вернулся с того света

и стал звездным принцем. Разве я буду лишней в его хозяйстве? Да там работы невпроворот.

Только все это было мне уже неинтересно.

Если бы Макс не погиб...

Если бы Макс не погиб, все было бы иначе.

Но Макса больше нет.

И тех обстоятельств, в которых я могла бы прожить свое горе, тоже нет.

Мне придется начинать все с чистого листа.

* * *

– Он точно не сработает просто так? – Князев пощупал горло, скрытое высоким воротом свитера.

Свитер ему выбрала я. Красивый, полосатый, зеленый с бирюзой. Князеву он был дивно к лицу. Кроме того, объемная вязка скрыла его чудовищную худобу.

– Точно, – уверенно сказал Иноземцев. – Только если вы самовольно, без сопровождающего, – он показал на Йена, – удалитесь на пятьдесят километров от базы.

– Да что я там забыл! – пожал плечами Князев. – Я не самый большой любитель лазить по первобытным джунглям. Меня все принимают за негра, а я же русский. У меня отец на Сибири родился.

– А по-русски говорите? – оживился Иноземцев.

– Пф. Конечно! Матом только не ругаюсь, это грех.

– Я вот что подумал. Незачем объяснять всем, что вы осужденный. Поползут ненужные толки... Ошейник не виден, никто и не поймет. Давайте мы скажем, что вы – приглашенный специалист с Сибири? Математик из КСМ, – предложил Иноземцев.

Мы с Йеном переглянулись. Князев почесал в затылке, потом вопросительно глянул на своих конвоиров.

– Телохранители, – объяснил Иноземцев. – Или ассистенты. А вы, к примеру, исследуете натуру для развертывания у нас одной из линий производства киборгов. По лицензии КСМ. Для гражданских нужд. У нас и вправду есть потребность, и даже инженеров обещали прислать... Справитесь?

– Владимир Петрович, – осторожно позвала я, – а есть причины так легендироваться?

Иноземцев смущенно крякнул.

– Ну, в общем, нет, но есть. Я перестраховщик и параноик, зато всегда избегал крупных неприятностей. Не нравится мне, что слухи поползли. И какие-то удивительно похожие на правду слухи... Давайте мы их опровергнем?

Князев посерел. Мы с Йеном еще раз переглянулись.

– Вот, – Иноземцев кивнул на Князева, – про него час назад спрашивали. Местный наш богачей. Скользкий тип. Сказал, дескать, мне под видом специалиста внедрят опасного преступника. А федерал, который с ним, – лопух. Сам не знает, кого ему подсунули. А для этого преступника особенная охрана нужна, обычные солдаты не управятся. Предлагаю

гал мне своих телохранителей.

Князев с ужасом глядел на нас. На всех по очереди.

– Ты о таком не говорила, – упрекнул он меня.

– Василий, Макса убили и обвинили в государственной измене. Его смерть подтвердили тем, что показали чип, якобы его. Бортовой журнал подделан. Но ведь кто-то должен был все это сделать, верно? Кто-то должен был послать Макса в ту экспедицию, подделать чип и журнал, выставить обвинение. Мы ничего не знаем об этих людях. Но поверь мне на слово: это занятие не для рядовых.

– Это точно, – вздохнул Иноземцев. – Даже не для командующих базами вроде меня. Мы пешки в таких играх. У меня, например, никакой власти не хватит вызвать командировочный экипаж из другого округа. Из своего – еще куда ни шло. Но не из другого. Эти вопросы, ребята, решаются на уровне штаба округа, не ниже.

– Но... И что, они могут вот так... Мы-то при чем? – недоумевал Князев.

– Василий, а ты думаешь, они хотят, чтобы их шашни раскрыли? – удивилась я. – Ты вспомни Адама Бейкера. Он хотел, чтобы его интрига провалилась? – Я помолчала и добила его: – Ты же помнишь, какие зверства творил Грант на твоих глазах.

Князев болезненно зажмурился.

– Я... я не мог ее спасти. Совсем не мог. Это она меня спасла. Но ведь там были бандиты! Паршивые бандиты! А

здесь – нормальные военные...

– Которые бывают еще и худшими бандитами, – мрачно сказал Иноземцев. – Василий, вы живете в неведении, и благодарите Бога за это. А у нас тут по соседству – четвертый округ. И что творилось там... А ведь командующий там был – звездный принц. Причем не какой-нибудь младший сын, а граф Калипсо, владетельный... мерзавец. Я сам не видел, но слухи доходили... те еще. Там за неповиновение вырезали семьи.

– Именно, – с расчетливым спокойствием обронила я. – Электрической пилой. Привязывали к столу и расчленили. Живьем. Под запись. Даже рты не завязывали.

Князева отчетливо затошнило.

– Я не наивный, не думайте, – пробормотал он. – Просто не знал... Имею же я право не знать, что люди бывают такими зверями?! Я... Ну хорошо. Я навру чего надо. На самом деле, если бы я вас не знал, все равно не согласился бы. Только потому, что про вас я знаю правду. А что будет потом? Ну вот что потом-то? Мы ж не будем всем подряд рассказывать, зачем мы сюда прилетели?

– Почему? – удивился Иноземцев. – Как раз и будете. Мы по традиции кормим приглашенных специалистов, даже гражданских – особенно гражданских! – в офицерской столовой. Поскольку вы не засекречены – то есть как раз засекречены, – то отчего бы не поговорить с господами офицерами? Почему я и спросил, владеете ли вы русским языком.

Конечно, отнюдь не все сибиряки прилично говорят по-русски, но для достоверности было бы хорошо, если бы говорил хоть один из вас. Единственное, что меня тревожит, – признался Иноземцев, – нам придется хотя бы сделать вид, что вы понимаете в киборгах.

– Да чего там делать вид, – фыркнул Князев. – То есть я мало чего смыслю в механике, но запрограммировать киборга могу хоть сейчас. Это-то я как раз умею. Меня, уж простите, в банду не потому заманили, что я документы подделывать мог. А потому что я могу настроить андроида.

Иноземцев посмотрел на нас, потом позволил себе усмешку.

– Настоящего? – уточнил он.

– Ну, ввали, что настоящего. Я их не видел. И думаю, что их и не было. Но дело-то не в том, были они или нет! Дело в том, что я-то в этом соображаю!

Иноземцев еще раз оглядел нас. Хмыкнул:

– Тогда у меня для вас есть сюрприз. Возьметесь?

– Шутите? – только и спросил Князев.

– Да какие шутки. Он сломан. Проблема не механическая – все, что могу сказать.

– Они же запрещены, – сказал Князев.

Иноземцев покачал пальцем:

– Запрещено производство и работы в этом направлении. Но их же некоторое количество выпустили. И куда их дели, по-вашему? На переплавку? – Он откинулся на стуле. – На-

шему больше ста лет. Не ходит. С ним поработал один умелец, который клялся, что может исправить базовую ошибку в программе. Исправил. Только через год наш Федя перестал ходить. А при его работе это очень неудобно.

– Слушайте, а зачем он вам тут? – вмешался Йен.

– Как зачем? Музейный экспонат. Вообще-то он у нас сержантом-инструктором служит, учит новобранцев. Кстати, Люкассен о чем-то болтал с ним целый день, когда стоял на передержке.

Кажется, Князев все осознал.

И не только он.

* * *

С виду он ничем не отличался от человека.

Очень рослый, костистый блондин с квадратной челюстью и холодными голубыми глазами. Волосы выглядели малость искусственными, зато взгляд был дивно натуральный. Усредненно правильное лицо, кожа выглядит как у тридцатилетнего, вполне достоверная мимика. Ну правильно, ведь их внешность копировали с живых натурщиков – это проще, чем сочинять и моделировать с нуля на компьютере.

Он приехал на инвалидной коляске и доложился Иноземцеву:

– Сержант Добров по вашему приказанию прибыл, сэр.

Признаться, живого андроида я видела впервые. Думает-

ся, для всех остальных этот опыт тоже проходил по разряду ненаучной фантастики.

Зато у меня разом отпали все вопросы, почему их производство запретили. Да, ходили разные слухи и мифы... а ответ-то был налицо.

Андройды получились слишком похожими на людей. И были ходячим упреком нам всем. А еще они вызывали легкий иррациональный ужас. Все-таки люди должны получаться естественным путем.

– Сержант Добров, вы в Бога веруете? – внезапно спросил Князев.

Спросил абсолютно серьезно.

– Да, – отрезал андроид.

– Считаете, что у вас есть душа? – прищурился Князев.

– Не знаю. Но это не помеха моей вере. Вы молитесь за спасение души, а я просто служу Господу. Служу верой и правдой.

– Напрашивается вопрос: мечтают ли андройды об электроовцах?

Я так и знала, что кто-нибудь это ляпнет. Ляпнул Йен.

– Нет, – андроид окинул его презрительным взглядом. – Я мечтаю встать на ноги и проехать верхом на настоящей лошади.

А потом он уставился на меня. Я исследовала свои ощущения. Пожалуй, даже жаль, что их сняли с производства. Хорошенькое испытание для нервов. Ему было больше ста

лет, а ведь андроиды – самообучающиеся машины. Он научился быть человеком. Ровно в той степени, которая нужна сержанту-инструктору.

– Капитан Берг, это сержант Добров, – сказал Иноземцев мне. – Сержант, вы ответите на все вопросы капитана.

– Есть, сэр.

Я вышла вперед, села на край стола так, чтобы андроиду было удобно смотреть на меня.

– Сержант, у нас есть специалист, который уверяет, что сможет исправить любую ошибку в программном обеспечении анроида. Мне бы не хотелось приказывать вам, как будто вы просто робот. Мне бы хотелось договориться. Мы лечим вашу неисправность, а вы отдаете мне все ваши записи, касающиеся командера Максима Люкассена.

– У вас должен быть допуск для работы с архивом анроида.

Я медленно улыбнулась:

– У меня его нет. У меня есть приказ военного министра о розыске командера Люкассена и установлении причин его гибели, а равно выяснении обстоятельств совершенной им государственной измены. Но не здесь, а на Саттанге. Никто не знал, что он общался с андроидом. Я могу получить такой допуск, но на это уйдет время. Но вы ведь можете отдать эти записи сами. На них нет грифа «секретно», и вы не получали распоряжений о сохранении этих сведений в тайне.

– Покажите мне ваш приказ.

Он протянул руку. Жесткую и прямую, как лопата. Я коснулась ее левым запястьем.

Все-таки, если приглядываться, отличий от человека много. У андроида была богатая, но механическая мимика. Думаю, даже если бы он улыбался, его взгляд отпугивал бы. Еще бы, там ведь не зрачок, а камера.

– У вас достоверный приказ и достоверные рабочие документы. Почему вы просите, а не приказываете?

– Потому что по приказу вы ответите лишь на те вопросы, которые я задам. А после просьбы вы скажете все, что сами считаете нужным. Вы ведь анализировали ситуацию? И только вы знаете, где в вашем архиве файлы, которые могут быть важными.

– Коммандер Люкассен не дал ни одного повода считать, что он готовится к государственной измене, – отрубил андроид. – Он искал доказательства измены других людей.

– Но ему предъявлено обвинение. Пусть и посмертное. Чтобы оправдать его память, нужны доказательства.

– Почему вы стараетесь купить меня?

– Потому что вас уже спрашивали о коммандере Люкассене. Ведь так? Спрашивали. И вы рассказали лишь ту часть правды, которая не несет угрозы. Никому. Ни вам, ни полковнику Иноземцеву. Я хочу знать остальное.

– Вас убьют.

– Это мой выбор.

– Хорошо. Тогда найдите и устраните неисправность в мо-

их программах. Потом вы получите то, чего хотите.

– А вперед отдать не хотите, потому что после ремонта вы сами сможете защитить? Того же полковника Иноземцева, который держит вас на балансе как машину, но обращается как с человеком? Даже имя дал вместо регистрационного номера.

– Я робот, капитан Берг. Мои действия продиктованы целесообразностью. Если я не смогу отбить атаку, в передаче данных нет смысла.

– Если, конечно, у меня нет надежного помощника, которому я успела бы переслать их.

– Капитан Берг, кто из нас робот? Я ничего не скажу, пока неисправен. Такое условие мне поставили. Исправить меня невозможно. Если я проболтаюсь, то в переплавку вместе со мной отправятся другие. И они, увы, не андройды. Вы ничего не успеете сделать, а я не смогу предотвратить. Да, ваш помощник потом установит справедливость. Но за нее погибнут люди. Коммандер Люкассен уже мертв. Стоит ли его память жизнью еще нескольких людей?

Я помолчала. Слезла со стола, прошла по кабинету.

– Значит, на базе есть другие андройды. Ведь человек вам не страшен, даже в вашем нынешнем состоянии.

– На планете, – поправил андроид. – Я из первой серии. Они – из следующей. Вы не распознаете их так хорошо, как меня. Но они из младшей линейки. Я смогу уничтожить их, хотя они моложе меня. Я ведь из старшей линейки.

– Федор, – внезапно позвал Иноземцев. – Сделай это. Я

прошу тебя.

Андроид перевел на него взгляд правого глаза. Жесткого голубого глаза. Вторым он следил за мной.

– Время бесценно, – сказал Иноземцев. – Ты видишь угрозу нашей безопасности. А я вижу угрозу безопасности сотен и тысяч других людей. Они в опасности, пока мерзавцы на свободе. Нас могут накрыть единственной бомбой, узнав всего лишь, что тебя положили под лабораторный щит. Если так, я хочу, чтобы хорошие люди знали, почему мы погибли.

– Кто ваш специалист? – спросил меня андроид.

Я показала на Князева. Андроид уставился на него, что Князева ни капельки не смутило.

– Меня невозможно починить, – сказал андроид. – Неустраняемая системная ошибка. Цена, которую пришлось заплатить за то, чтобы без сбоев функционировали мои интеллектуальные системы.

– Не знаю, кто тебя перепрошивал, – без смущения ответил Князев. – И когда это было. Судя по всему, давно. За это время математика шагнула далеко вперед. В крайнем случае, я просто напишу для тебя индивидуальные программы.

Андроид Федор молчал несколько минут. Потом поднял левую руку, сжатую в кулак:

– Капитан Берг, получите пакет. И отошлите его немедленно, чтобы я видел.

Я приняла увесистую посылку.

Кому отправить, я не думала. Я знала только одного че-

ловека, который на несправедливость шел как таран, в лоб, нисколько не беспокоясь о последствиях.

Я набрала код Августа Маккинби, инквизитора первого класса.

* * *

Андроид Федор ковылял по лаборатории, наматывая круги. Он разрабатывал узлы, бездействовавшие столько лет. Он старелся. Он готовился к битве.

Князев возился несколько часов. Возился с упоением, вдохновенно и виртуозно. Ошибку, мешавшую Федору ходить, он отыскал мгновенно. Но решил: зачем ограничиваться малым? И полез в систему. Андроид Федор нисколько не возражал: ему, как и любому роботу, была свойственна тяга к самосовершенствованию. А еще он стыдился ошибок и сбоев в работе своих программ.

К вечеру андроид слез с лабораторного стола и сказал, что ему нужно двое суток. Он опросил свои системы и решил, что этого времени будет достаточно для реабилитации. Потом он сможет приступить к миссии. К какой? А какую дадут. Он универсальный солдат, справится с любой.

Мы помалкивали. Конечно, нас терзало ощущение, что мы выпустили джинна из бутылки. Но мы не произносили вслух таких слов.

Я получила короткий ответ от Августа: «Пришло, про-

смотрел. Передал в работу». Он не спрашивал, чем я занята. Но в лаконичных строках скрывалось напряжение. Пусть. Лишь бы не бездушие.

Интересно, а он без меня скучает?

Ничего особенного в роликах, слитых андроидом, не было. Макс расспрашивал о схеме контрабанды. То есть на самом деле там были длинные-предлинные сроки для всех, начиная с Мимору и заканчивая последним штабистом. Алистеру Торну это бы понравилось. Но там не было ничего, что касалось бы Макса. Не было контрабандных рейсов на Тору-2, не было головорезов и сектантов. Саттанг упоминался, но в неожиданном контексте: Макс расспрашивал про знаменитую аномалию, превращавшую сектор Саттанга в карман, в галактический тупик. Оттуда не вернулась ни одна экспедиция. Макса, талантливого навигатора, этот тупик мог заинтересовать сам по себе.

Почти в полночь явился сонный Князев.

– Я пойду спать, – сказал он. – Завтра мы выясним, что тут произошло. Ты не беспокойся, я не подведу. И вот что, насчет Федора. Я всегда мечтал поработать с андроидом. Они вообще хорошие. Только их программировать на самом деле нужно индивидуально. Они хоть и с конвейера сошли, но все разные. А кому захочется возиться? Все хотят массового производства. Потому-то затея и провалилась. Федор всегда хотел жить так, словно у него есть душа. А я в школе интересовался всякими феноменами. Знаешь, что компьютер

может завести себе псевдодушу? Это наши мысли, которые прилипают к компьютерным мозгам. На Федора за сто лет налипло много. Но его тут любили все, поэтому его псевдодуша – славная. Может быть, Господь на Страшном суде решит, что Федор заслужил настоящую душу, и превратит ее в такую же, как у нас.

– Вась, – сказала я, – иди спать, а? Вот только мне сейчас твоей мистики не хватало.

Князев смутился окончательно и ушел.

Утром меня разбудили ни свет ни заря. Иноземцев решил, что одного Йена для следствия недостаточно, мое присутствие жизненно необходимо. Я согласна, что оно нужно, но почему на рассвете? Однако все поняла, едва вошла в лабораторию.

Паршивец Князев так раздухарился, что не смог уснуть. И, естественно, пошел работать. Нет-нет, все честно. Он ухитрился отделаться от конвоиров, зато растолкал Йена. Сначала работа шла вяло, затем Князев додумался в качестве компьютера-усилителя использовать... андроида Федора.

– Вот, – с гордостью сказал мне Князев, показывая на шесть мониторов. – Вот что искал Люкассен.

На шести мониторах красовались пять рож самого бандитского вида и одна – подчеркнуто безвинная. Я надела линзы, на скорую руку проглядела биографии. Да уж, редкий случай, когда внешность отвечает сути. Биографии бы-

ли мама не горюй. Руки по плечи в крови, ноги по колено в слезах. Особенно у безвинного красавчика. Все – в федеральном розыске. Все шестеро несколько лет назад пропали без вести.

– Люкассен дал в поиск не имена, а фотографии. На сопоставление, – объяснил Князев. – Получил довольно много результатов, но все кандидаты, кроме этих шестерых, известны. В том смысле, что их местонахождение он проверил тут же. Спустя несколько часов он снова полез в архив, уже с отпечатками пальцев всех шестерых. Полное соответствие. Для надежности можно еще проверить ДНК, но для этого ему пришлось бы обращаться к федералам или в военную полицию. А он почему-то никому ничего не сказал.

– Что характерно, эти шестеро – среди погибших на борту крейсера во время бунта, – меланхолично обронил Йен. – Я помню лица. Имена другие. Биографии чище не бывает. Не знаю, что и думать. Макс мог и просто застрелить их, во благо человечества. Что и привело к бунту.

– Вряд ли. Инсценировать самооборону он догадался бы точно, – сказала я. – А для этого его противники должны быть отнюдь не ягнятами. Дело-то на борту военного корабля. Все прекрасно знают, что бывает за нападение на членов экипажа. Их спровоцировать не так уж просто.

– Ну, Макс вообще-то роскошный манипулятор, – напомнил Йен.

– Только один на один. С группой он работать не умел, –

возразила я.

Я смотрела на мониторы. Смотрела и пыталась понять, что меня беспокоит.

Даты, даты... Кто-то пропал пять лет назад, кто-то шесть. Ни одного, кто исчез бы позже, чем четыре года назад. Следы у всех терялись во втором, третьем, четвертом радиусе. Не дальше. Каким образом они оказались на Тору-2? Оттуда вывозили их на крейсере, но на чем они прилетели?

Я потеряла виски. Ну, память, не подведи. Это, конечно, попытка ткнуть пальцем в небо. Но я же знаю один случай, когда из четвертого радиуса аккуратно в нужные сроки в третий округ привезли сотню головорезов. И куда они потом делись?

Номер транспорта наконец выскочил из пыльных закров. Я быстро написала на оборотной стороне пустой карточки номер корабля, две фамилии из шестнадцати членов экипажа, дату рейса. Протянула Иноземцеву.

– Владимир Петрович, это очень важно. Четыре года назад были учения в четвертом радиусе. На них выступала рота терминаторов с базы «Эстер». Согласно документам, она вернулась на базу вот на этом транспорте. Да, теперь известно, что на борту были совсем другие люди, следствие ведется. Но мне прямо сейчас нужен контакт с любым членом экипажа того транспорта при условии, что он видел пассажиров.

– «Эстер», «Эстер», – пробормотал Иноземцев. – В то время там рулил Салливан, потом его место занял Тэтчер...

Сейчас проверю, к кому приписан транспорт. – Он протолкался к терминалу, полез в реестр. – А, ну я так и думал. К «Кромвелю». Мисс Берг, мягко говоря, не советую. Там комендант такой, что я тонуть буду, а к его руке не прикоснусь. К счастью, он не из тех, кто протягивает руку тонущим, а потому мне не придется решать важный этический вопрос... Мне жаль. Но если там творились странные дела, то мимо коменданта их провернуть невозможно. А от коменданта вы не узнаете ничего. Зато он мигом доложит куда надо.

– Без него узнать списочный состав экипажа – никак? – в лоб спросила я.

– Сэр, – позвал андроид Федор, – позвольте мне попробовать.

– Федор, это незаконно, – напомнил Иноземцев. – Ты же андроид.

– Да, поэтому я смогу взломать архив «Кромвеля» в сто раз быстрее любого человека. У меня в голове, – он коснулся виска, – компьютер.

– Погодите, – встрял Йен, – мы не имеем права использовать запрещенные приемы. Если следствие велось с нарушениями закона, то преступника могут оправдать. Мы же не хотим этого? Делла, я попробую запросить наши данные. Если честно, я не знаю даже, кто ведет расследование по этому вопросу, но... Да в крайнем случае побеспокою Алистера Торна. Он-то должен знать.

Следующие полчаса я потратила на завтрак, состоявший

из огромного зеленого яблока и чашки чаю. Догрызая яблоко, я с тоской думала, что половину дня буду привязана к гигиенической комнате в коттедже. Натуралка, конечно, полезна, только иногда она отвлекает организм от работы. Но есть уже хотелось так, что я съела бы тарелку слив, не то что яблоко.

– Вот, – объявил Йен, кладя передо мной карточку. – Шестнадцать кодов. Капитан на пенсии, еще два члена экипажа уволились в запас, но продолжают работать на гражданских судах. В четвертом радиусе. Федералы ими очень-очень интересуются. Остальные служат, но все – в разных местах. На том корабле не осталось никого из старого состава.

Я взвесила карточку на руке.

– Ну что? Капитан или стюард? Кого беспокоим?

– Того, кто сейчас не спит, – подсказал Князев. – Время-то раннее только по федеральному календарю. А еще можно того, кто ближе всех, чтобы задержек связи не было.

Выбор пал на стюарда. Я набрала его код на стационарном аппарате. Пришлось ждать с полминуты, когда на вызов откликнулся немолодой мужчина, непримечательный, у которого буквально на лбу было написано «год до пенсии, прошу не беспокоить».

– Хокни Крайс, – назвался он. Голос у него был надтреснутый, бессильный. – Чем могу быть полезен?

– Делла Берг, ассистент инквизитора Маккинби, в связи с расследованием обстоятельств гибели Фирса Ситона. Могу

я задать вам несколько вопросов?

– Фирс Ситон? – изумился мой собеседник. – Это еще кто такой?

– Вы совершенно не обязаны водить с ним знакомство. Возможно, вы знаете кое-что, способное пролить свет на его смерть.

– А-а, – Хокни Крайс выглядел разочарованным. – Ну если только так. Потому что я впервые слышу это имя, а у меня память на имена абсолютная.

– А на лица?

– Тоже ничего так. Хотя, например, кое-какие физиономии из моего детства я забыл.

– Хорошо. Мистер Крайс, вам знакомы эти лица? – и я бросила в канал все шесть снимков.

Стюард помрачнел.

– Мисс Берг, хотите совет? Оставьте эту затею.

– Почему?

– Потому что они уроды. Моральные и физические. Я понятия не имею, каким образом эти подонки стали лучшей ротой округа. Хотя чего уж там, «не имею», ага. Небось, на зачистках прославились. Они ни перед чем не остановятся, если вы им помешаете. Ну, вы меня понимаете.

– Ваши слова надо понимать так, что вы их помните?

– Да отлично помню. Особенно того красавчика. Кристофер Слоник, да-да.

Мысленно я обругала последними словами покойника Ку-

руги. Чтоб он, тварь поганая, в гробу перевернулся. Вот куда пошли чипы, которые его подчиненные снимали с рабов. Собственно, я знала это, но все равно противно.

– При каких обстоятельствах вы познакомились с этими людьми?

– Да при обычных. Пришел приказ: забрать людей и доставить на базу. Роту с «Эстер», которая каталась на учения. Ну, забрали. Почему они были в гражданском, я так и не понял, но это меня не касается. Погрузили. Во-первых, эти подонки пьянствовали весь рейс. Во-вторых, они вели себя так, словно... ну, словно с цепи сорвались. Этот их капитан, Слоник, он наводил порядок такими методами, что... Ну, в общем, я про них все понял. В этих зверях ничего человеческого не осталось. А еще религией прикрываются. Да была б у них религия, я бы понял еще. Только это не религия. Сектанты чертовы.

– И вы доставили их на базу «Эстер»?

– Да, конечно. И были очень рады сгрузить их наконец-то.

– Кто их встречал?

– Как обычно. Комендант. Салливан.

– Мистер Крайс, вы можете повторить свои показания в суде?

Тот удивился.

– О как. А что тут предосудительного, с точки зрения закона-то? – Помолчал. – Ну, могу, конечно. Положим, мне после этого в армии будет несладко, все-таки у нас не любят

тех, кто роняет престиж войск. При этом считается, что престиж уронил тот, кто вынес сор из избы, а не тот, кто намусорил. Но если вы потянете с этим делом пару месяцев, то мне уже наплевать будет, я на пенсию выхожу.

– Спасибо, мистер Крайс. Я передам ваши слова мистеру Маккинби.

– Маккинби... Это не тот, который Энстона разгромил? Эк ему... понравилось-то, порядок в армии наводить. Ладно, передавайте.

Честно говоря, у меня не было ни малейшей уверенности, что Августу нужны эти сведения. Ничего, придумает им применение. Алистеру отдаст. Алистеру точно нужны. С этими мыслями я и сбросила Августу ролик с записью беседы.

Мои соратники призадумались. Иноземцев, глядя в окно, только и сказал:

– А вот про Фирса Ситона вам следовало спросить меня. Я его чуть не последним из наших видел. Да и насчет Криса Слоника... Этот, – Иноземцев пальцем показал на фото красавчика, – даже близко не похож. Да, впрочем, я новости-то слушаю. Знаю, что Крис нашелся аж в Ядре, зато при деньгах. Только я не понял, какая связь между Фирсом и Люкасенном.

– Узнаем? – предложила я.

– Ну, если вы считаете, что связь и вправду есть, я к вашим услугам.

– С чего вы хотите начать? – спросил Иноземцев.

– Вы ведь хорошо относились к Фирсу?

– И к нему, и к Слонику. Славные ребята.

– Я не ошибусь, если предположу, что свой корабль Фирс держал у вас?

– В определенном смысле. Это не коррупция, нет. Он арендовал стол на космодроме, в частном секторе. Просто все знали, что Фирс мой друг.

Повисло молчание. Я не спешила. Иноземцев тяжело вздохнул и предложил:

– Может быть, я лучше расскажу вам про Люкассена? Вы почему-то совершенно не спрашивали меня о нем. Как будто уже все для себя решили.

Вот оно что. Ладно, в чем он там замешан с Фирсом, узнаем потом. Но он уверен, что мне известно больше, чем кажется. Нельзя сказать, что это вовсе уж неправда. Однако и от истины довольно далеко.

– Я не могу отделаться от ощущения, что Люкассена уже где-то видел, – начал Иноземцев. – Он производил странное впечатление. Не на своем месте человек. Причем он это понимал. Он как будто наслаждался тем, что выдает себя за кого-то, а ему верят. Почему я, собственно, и решил сразу, что он позер, а не шпион, заброшенный к Мимору. Я пони-

маю, у вас вопросы... Да, я ждал, что рано или поздно это произойдет. У нас самый тяжелый округ после четвертого. Четвертым занялись всерьез, мы явно были следующие на очереди. Да и Мимору это понимает. Потому и гребет ото-всюду. Недолго ему командовать, вот и спешит награть. Куда он с этим нагренным денется, я без понятия. Если только действительно в Куашнару... Но кому он в Куашнаре сдался? В Куашнаре умные люди пошли на замирие с нами. И не будут они прятать наших воров. Им своих хватает. А бардака у нас много. Не такого, как в четвертом. Энстона распирало от власти. Мимору – не такой, нет. Он не облагает данью колонии, и вообще рэкет у нас не практикуется. Но у меня иной раз ощущение, что вся контрабанда наружу идет через нас. Через «Кромвеля» конкретно. Ну еще через «Эстер». Но «Эстер» – это скорее внутренние дела. Оттуда до фронта далековато. Я вам скажу: есть планетка, где движение – как земной трафик. Туда приходят целые караваны. Из четвертого радиуса. Пиратские. У нас, кстати, здесь пираты не зверствуют. Они солидные и уважаемые люди, которые возят товар. Они избегают лишних конфликтов и ведут себя прилично. А Мимору – помогает. Он способен снять корабли с боевого дежурства и послать на охрану каравана, который никакого отношения к закону не имеет. А пограничные колонии у нас уже привыкли голыми жить. В принципе, диссида особо к нам не лезет. Хотя бывает. Ну так вот, грузы идут на заштатную планетку. Знаете, в чем вопрос? На ней

ничего нет, кроме космодрома и складов. Ну то есть вообще ничего. Она даже не зарегистрирована. Ее нет в звездных атласах. А она есть. Это перевалочная база. А куда оттуда деваются грузы? То-то и оно.

Я молча пила чай. Иноземцев устал бояться, и понукать его не требовалось.

– Тору. Тору тоже загадочное место. В принципе, сама колония – обычная. А вот Тору-2, где строят базу, – это какой-то абсолютно бессмысленный проект. То есть я даже с точки зрения контрабанды не понимаю ее ценности. Но там сидит чокнутый комендант, на сто процентов преданный Мимору, и там сидит община его единоверцев. У меня такое ощущение, что все эти сектанты – на самом деле беглые преступники. Мимору дал им убежище. Поэтому от тамошнего коменданта вы ничего не добьетесь. Там идет какая-то ротация, я бы даже сказал, роение, но за пределы общины никакой информации не выплывает. И тут ко мне прилетает Люкассен. Вроде маршрут стандартный. Тору-2 – «Кромвель». То, что он дозаправился, на самом деле никого не удивило. Ну понятно, Мимору поставил его на длительное конвоирование. Опять пиратов как почетных гостей провожает. Чтoб ни одна федеральная блошка не укусила. И когда Люкассен заговорил про Саттанг, я даже и не знал, как реагировать.

Иноземцев достал сигареты, предложил мне. Я отрицательно покачала головой. Он закурил, затягиваясь глубоко и нервно.

– Саттанг – еще одна наша загадка. Его открыли двести лет назад, и никого он никогда не интересовал. Ну да, возили оттуда рабов. Да они сами бежали. Потом наладили эмиграцию. Вот каждый месяц оттуда уходит транспорт с желающими пожить у нас. Их религия поощряет путешествия, и считается, что индейцы едут на десять лет, мир повидать. Только никто из них никогда не возвращается. То, что мы признали их суверенитет, их государство – это мы им ба-альшой аванс сделали. Там родоплеменные отношения, их государством можно назвать только от неудержимого желания польстить. Да, есть письменность, ремесла, какая-никакая культура. Но для нас все это неинтересно. Они примитивны. Их изучали только фанатики вроде Фирса. Да всякие провидцы иногда рвались туда. Но провидцы – это такие ребята, что они вечно рвутся куда-то. Потом Фирс туда слетал с Крисом. Что-то нашли. Фирс сказал, что эта штука, которую они нашли, изменит картину мира. Вот как раз в этой комнате мы сидели и говорили. Наутро он улетел, а через месяц я узнал, что индейцы его казнили. И Крис пропал. Честно говоря, я верил, что он перевелся в другой округ. Ему здесь было тухло. Но Саттангом все равно никто не интересовался. И вдруг внезапно, два года назад, все как с цепи сорвались. Туда полезли «белые археологи», «черные археологи»... Только и разговоров стало, что про Саттанг. Потом индейцы снова завели себе царя. Патрик здесь бывает, раз в два месяца, наверное. Пользуется случаем вырваться хоть

на несколько дней в цивилизацию. Его понять можно. Жалуются. Его задрали наши гробокопатели. Обнаглели. Они же там целую крепость построили. Сначала был лагерь на месте древнего храма, там подземные лабиринты, катакомбы. Потом соорудили подобие стартово-посадочного стола. Летают как к себе домой. Оружия – завались. Нет, вы не поняли. Речь не о ручном оружии. У них, простите, там корабельные пушки есть. И зенитки.

– И зачем? У индейцев нет никаких летательных аппаратов. А от нашей армии одними пушками и зенитками не отобьешься.

– О чем и речь. Там постоянно торчит несколько сотен голворезов. Или гробокопателей, я у них документы не проверял. Но это точно наши, а не диссида, как болтают. Зачем? Вот зачем они там? Да вся индейская мишура, вывезенная оттуда за все годы, не окупит и месяца содержания этого лагеря. Банда обходится дорого. Но она там сидит. И кто-то ее снабжает. Постоянно. При этом я точно знаю, что никакой контрабанды через Саттанг не идет. И идти не может. Это карман, тупик, к планете можно подойти только с нашей стороны. Диссиде туда попасть невозможно. Не будет никакого прорыва диссиды через Саттанг. И оккупация не планируется. И я не понимаю, что за интерес к индейцам. Но уже едут всякие ученые, пытаются разобраться в природе аномалии, из-за которой Саттанг недоступен.

– Действительно недоступен? – невинным тоном уточнила

я.

– В том-то и дело. Знаете, что я думаю? Это проект эльдорадской разведки. Нам подбросили ложный след. Чтобы мы сосредоточились на нем и проморгали место истинного прорыва.

– А что Мимору?

– Вот это один из двух моментов, которые меня беспокоят. Мимору запретил работать на укрепление того маршрута. То есть он как был проницаемым, так и остался. Я сомневаюсь, что все поверили в эльдорадскую сказку, а он – нет. Значит, что-то другое. А второй момент – поведение Люкассена. Он на полном серьезе собирал сведения. О банде. Аномалией интересовался, но поверхностно. Узнал, что она непроходима, и успокоился. И вот еще что. Я позавчера вспоминал поминутно, что он тут делал. Память у меня не та, что в юности, поэтому я проверял себя по камерам. А их тут много, и не все явные. Так вот, на одной остался фрагмент разговора Люкассена и индейца из его экипажа, Кера. Люкассен спрашивал, готов ли индеец помочь ему. Обещал отблагодарить тем, что рекомендует его знакомым в богатый дом. Дело на полгода, уверял Люкассен, ну, на восемь месяцев, вряд ли дольше. Индеец сокрушался – долго. По индейским законам расставание с женой на такой срок равносильно разводу. А разводиться Кер не хотел. Он вообще думал оставить жену на базе, чтобы не рисковать, но придется, видимо, брать ее с собой. О чем они говорили, я не понял – они просто шли

мимо той камеры. А под следующей, явной, молчали, пока не миновали зону уверенной записи.

– Вы не пытались расспросить индейского царя о том, почему казнили Фирса Ситона?

– Да спрашивал, конечно, – с горечью сказал Иноземцев. – Патрик сам ни черта не понимает. У него, как вы догадываетесь, свои фанаберии. Он же полукровка, получил у нас крутое образование, в общем, подготовился царствовать. Хотел поднять Саттанг. А в результате завяз в том болоте. У него власти нет. Никакой. Потому что полукровка. Всем заправляет Большой Совет старейшин. Конкретные старые пердунны, которым чем хуже живет народ, тем лучше. Потому что малейшие перемены, реформы – и эти динозавры останутся не у дел. Они только для музея годятся. А Патрик мечтал там конституцию ввести. Полный правовой кодекс. Взять кредит, завезти специалистов, построить космодромы, промышленность, инфраструктуру. В принципе, если обращаться с Саттангом как с земной колонией, то лет за двадцать его можно превратить во вполне современный мирок. Но для этого надо вводить войска, подвластные Патрику, и вырезать половину народа. Иначе никак. Но даже при таком положении дел Патрик сам не понял, почему казнили Фирса. Там даже по индейским понятиям полный беспредел произошел. Его просто схватили, несколько дней продержали в яме, а потом посадили на кол. Причем у Фирса была связь. Он запрашивал помощь. Никакой конкретики, он сам не знал, за

что его казнят. Его не допрашивали. Он просил нашего консула. А что консул? Сам как на ядерной бомбе живет. Ничего не может. Фирс написал мне... Я сказал Мимору. Фирс ведь его родственник. Мимору мямлит: не могу, дескать, приговор по закону, не имею права вмешиваться, это суверенное государство. Да что за чушь?! Когда это мы бросали своих граждан?! Подумаешь, незаконно. Ну заплатили бы потом Саттангу отступного, кредит какой дали... Всегда так делали, всегда! Попал человек в беду, посылают диверсионную группу на выручку. А потом как-то утрясают конфликт. Ах-ах, нарушение границ. И что? Можно подумать, мы никогда разведчиков не забрасывали за кордон. Ладно... Я тогда не выдержал, говорю открытым текстом: тебе же пираты по гроб жизни обязаны, ну что, не можешь послать туда пару экипажей? Там всех дел – сесть куда надо, забрать парня и улететь. Никакого оружия у индейцев нет. Патрулям скажешь, чтоб отвернулись. Ну безопасно же! Родня у Фирса богатая и с законом особо не считается, заплатят они пиратам за жизнь парня. А с тебя по всем раскладам взятки гладки. Мимору глаза вытаращил – ты что, какие пираты...

Иноземцев сглотнул, отвел взгляд.

– Ладно. Все равно это всплыло бы. Я, конечно, на свой срок заработал, чего уж там. Превышение полномочий, нарушение суверенных границ, подделка документов и все такое. У меня стоял на передержке перехватчик. Капитан – славный парень. Я получил от Фирса письмо, мол, прощайте. А

я знаю, как казнят. Индейцы не любят быстрой смерти. И я знал, что Фирс на том колу еще минимум двое суток провисит. И пошел к капитану. Объяснил ситуацию. Он меня понял. Я... вы уже догадались, что Федор – не просто сержант? Он взломал штабную сеть. Снял пароли для пограничных патрулей. Приказ я подделал. Отправил команду на выручку. И опоздал. Проклятье. Ребята прилетели, а на месте казни уже никого нет. Индейцы не охраняют трупы. Стоит чертов кол, на нем труп. Едва остывший. На несколько часов я опоздал. Мне бы на сутки раньше спохватиться, Фирс бы сейчас жил. Покоцанный и порванный, но живой. Официально его закопали на Саттанге. А вообще его могила – вон, за той самой гарнизонной церковью. Ребята привезли его. Даже денег с меня не взяли, самим было стыдно, что опоздали. Похоронили мы Фирса.

Я молчала.

– Чип его – он ведь вам нужен? – буднично спросил Иноземцев. – Само собой, я не мог его сдать куда положено. Но что-то мне надоело бояться. Сам под суд пойду и всех потяну. Нужно?

– Давайте, – хладнокровно ответила я. – Вы ведь не станете возражать, если я проверю этот чип на предмет подделки? Иноземцеву явно полегчало.

– Нет. Даже буду настаивать.

С утра я наведалась в медсанчасть. У меня взяли кровь и все, что нужно врачу, запечатали в герметичные пробирки, уложили в контейнер. Я вернулась в коттедж, аккуратно вскрыла контейнер и уложила между пробирками чип Фирса Ситона. Потом сделала пояснительную метку и наклеила ее на одну из пробирок. Метка отзывалась только на пароль, которым служил номер моей истории болезни в клинике доктора Оршана. В метке содержалась привычная информация: где и когда сданы анализы. А кроме того – просьба передать чип Августу Маккинби. Затем я вызвала такси и поехала в город. Иноземцев предлагал служебную машину, но я хотела отдохнуть от его гостеприимства. В городе зашла в местное отделение федеральной почты и преспокойно отправила контейнер на Землю – в клинику, указав, что содержимое предназначено для медицинских исследований. Мне пора было сдавать анализы. Результаты я узнаю уже после возвращения с Саттанга.

На всякий случай я съездила на космодром и убедилась, что федеральный рейс ушел на Землю, увозя мое послание. У меня остался только чек. Из него можно было узнать, что я отправила кое-что в клинику, где лечат женское бесплодие.

Разумеется, я перестраховалась. Ну кому нужно искать чип в пробирках, если официально этого чипа не существу-

ет? Однако мне не нравился настрой Иноземцева. Кажется, ему хотелось действия. Когда военному хочется действия, надо готовиться к худшему. Но к тому моменту, когда противник узнает, какую информацию я успела отправить, рейс уже войдет в зону, где перехват невозможен. Отсюда до Земли лететь всего-то одиннадцать суток. И четверо – до территории, где заканчивается власть не только Мимору, но и его потенциальных поделщиков. Тем не менее, я сделала три копии. Одну записал Йен на свой браслет, другую я загнала в архив андроида Федора. Третью копию я отправила из города, открытым федеральным каналом, все тому же Августу. Доказательством в суде эти копии служить не смогут. Но информация на них в любом случае поможет расследованию.

Возвращаться на базу мне пока не хотелось. Я позавтракала в местном кафе – подивившись низким ценам на натуральные продукты. Похоже, здесь обстоятельства сложились удачно для сельского хозяйства. Потому что в любом случае, на любой дальней колонии дешевле и быстрее всего развернуть цеха для изготовления концентратов и синтетики. Главное ведь, чтобы голода не было.

Поев, я отправилась бродить по городу. И, когда в четвертый раз поймала себя на том, что любуюсь вывеской салона красоты, осознала, чего мне хочется.

Я никогда в жизни не носила короткую стрижку. В раннем детстве мне не разрешала стричься мама – она мечтала, чтобы ее доченька была хорошенькой куколкой, а какая же

куколка без длинных локонов? Потом я решила стать офицером, но – в разведке. Я грезила подвигами нелегалов. А у нелегалов, между прочим, есть особые требования. Если в тактической разведке длинные кудри только мешают, то в специальной ты зависишь от моды страны, для которой готовишься. Меня учили на Эльдorado. А в этой культуре, выросшей из латиноамериканских диктатур и патриархальной морали, коротко стриженная женщина привлекает внимание не хуже рекламного щита десять на десять метров. Потому что в Эльдorado женщина должна быть женственной. Значит, длинные волосы. Конечно, и там были всякие особы. Но короткая стрижка означала, что женщина занимает не последнее место в «эскадроне смерти». Густым ежиком щеголяли офицерши, немолодые, тяжелые, с холодным жестоким взглядом. Когда жена очередного диктатора вздумала сделать себе модельную стрижку, в обществе ее не поняли. И вынудили носить шляпку или парик.

Можно удивляться, можно ужасаться этим причудам. Да. Когда ты дома и не собираешься там жить. А если ты разведчик-нелегал и твоя задача – раствориться в толпе, – ты должна принять для себя все глупые и дурацкие правила. Поэтому я с шести лет позволяла только подравнивать волосы. В университет я поступала с косой до талии. Потом я все же немного укоротила кудри и отрезала челочку – но такая мода считалась в Эльдorado самой подходящей для простой девчонки моего возраста.

После армии я не стриглась уже потому, что волосы стали символом моей стойкости. Я работала на Большом Йорке, где на уход за кудрями уходила вся зарплата. Но я отказывалась жить по общим правилам. Мне не нужно было притворяться и прогибаться. Мне нужно было выстоять. И у меня хватило терпения до того дня, как мы встретились с Августом.

Август никогда не выставлял мне требований к внешности. Его все устраивало. Но я чувствовала, что длинные волосы ему нравятся. Он и сам носил довольно длинные – чуть ниже плеч, – потому что с таким каракулем, как у него, легче всего справиться при достаточной длине.

А месяц назад я испытала лютое желание изменить себя. Отрезать эти чертовы волосы вместе с прошлым, которое причиняло мне только боль. Сдержалась. Не хотела, чтобы кто-то углядел в моем поступке истерику.

Сейчас я стояла на широком тротуаре перед салоном красоты. И думала: мне больше никогда не доведется работать нелегалом в Эльдorado. Мне даже в поле делать нечего, увы. Как ни печально, но нельзя исключать, что Август прав. Моя ценность как разведчика-практика близка к нулю. То, чем я занимаюсь сейчас, – это работа даже не оперативника, а следователя. А в разведке я могу служить только инструктором или штабистом. Жаль, но моя психика испорчена безвозвратно. Что и показала последняя экспедиция – на Дивайн. Я справилась со своей задачей, но не справилась с соб-

ственными нервами. А это равнозначно провалу. И то, что внешность для меня стала значимой, что любое серьезное изменение обрело статус символического действия – тоже симптомчик.

Плохой симптомчик, между нами.

Я шагнула в гостеприимно распахнутые двери салона.

* * *

– Когда вы в последний раз стриглись коротко?

Мне понравился мастер. Сразу. Он долго щупал мои распущенные и расчесанные волосы, взвешивал их на ладони, потом отрезал маленький кусочек и положил в анализатор.

– Никогда.

– Вообще?

– Да.

– То есть вы не знаете, насколько сильно выются ваши волосы. Ведь они всю жизнь отвисали под своим весом.

– У меня была челка.

– Челка не показатель. Тогда для начала вот так, – он коснулся моего плеча.

– Но я хочу коротко!

– Понимаю. Они и будут казаться короткими. А если отрезать так, как вы хотите, то они встанут дыбом сверху и с боков. Лучше уж тогда стрижку из разряда «под мальчика» – спортивную, мужскую или военную.

Нет, к такому я еще не была готова. Поэтому согласилась.

– У вас отличные волосы, – заметил мастер. – Натуральные волосы такой длины дорого стоят. Не желаете продать?

– Нет. Желаю, чтобы все отрезанное уничтожили при мне. Не вынесу, если мои волосы будет кто-то донашивать.

Мастер взял ножницы. Я закрыла глаза.

На чип пришел вызов. Как всегда, не дадут мне побалдеть у стилиста... Посмотрела. Ладно, простим. Август наверняка скажет что-нибудь важное.

Он прислал два текстовых сообщения. «Все получил. Отличная работа. Гонорар могу перечислить сразу. Надеюсь, не откажешься». О-о, как это мило. Ответила: «Не откажусь». А второе сообщение будило любопытство. «В четырнадцать двадцать по федеральному прибывает транзитный военный курьер. Для тебя есть пакет из министерства. Стоянка двадцать пять минут, тебе надо подняться на борт».

Мои волосы тихо шелестели, опадая на пол. Я поглядывала одним глазом в зеркало. То, что я там видела, меня удивляло. Это была не я. По-своему привлекательная девчонка, но не я. Ладно, до прибытия курьера еще четыре часа. Успею усугубить.

– Что дальше? – спросил мастер, закончив стричь.

– Подсушите. Я хочу видеть, как буду выглядеть без ухода.

Получилась шапочка. Действительно, волосы смотрелись сильно короче, чем были на самом деле.

– Длину оставим?

– Пожалуй.

– Состриженные волосы уничтожить?

– Да, сейчас.

Мастер собрал их с пола и погрузил в термобачок.

– И покрасьте меня.

– Цвет?

– Русый. Посветлее. Что-нибудь а-ля Сибирь.

В конце концов, по фальшивому чипу я немка. Имею право побыть блондинкой. И наплевать, что мне светлые тона не идут. Может, с длинными не идут.

В свободное кресло рядом привели клиента-мужчину. Я лениво повернула голову и встретила взглядом с Николаем Фомичевым, лицензированным хилирским провидцем с Таниры.

Вот кого не ожидала увидеть!

– Делла Берг? – неуверенно спросил он. – Боже мой, какая встреча!

– Могу ответить тем же. Кого-кого, а вас тут ожидать нельзя было.

Он смущенно хохотнул.

– Вы не поверите. Это такое удивительное стечение обстоятельств. Представьте себе, я вхожу в состав экспедиции, чья цель – изучение пространственной аномалии в секторе Саттанга. Но знаете, что самое невероятное? Проект финансирует Куашнара!

– Невероятно, – согласилась я.

– Разумеется, все формальности соблюдены. Есть все разрешения, заключены все договоренности. Все совершенно законно. Иначе бы нам не позволили дожидаться корабля здесь, рядом с военной базой.

– Но как вы попали в состав экспедиции? Вы же провидец!

– Да. Я оказался единственным в мире хилирским провидцем, который может похвастаться академическим образованием. Я же физик. И никогда не терял связей с научным сообществом. Да что уж там... Свою порцию излучения, изменившую мои мозги, я получил не на Хилире, а прямо в лаборатории и случайно. Хотя, конечно, когда я взял лицензию провидца, моя репутация понесла серьезный урон... – он засмеялся. – Теперь мне придется реабилитироваться!

Мне наконец нанесли красящий состав на волосы. Девушка-подмастерье шепотом спросила, с каким напитком я желаю скоротать время. Я ответила – чай. Через минуту мне подали чашку, мой мастер ушел, и я смогла развернуться лицом к Фомичеву, чтобы поболтать.

– Как быстро утрясли все сложности, – обронила я. – Ведь буквально два месяца назад вы никуда не собирались...

– О, нет! – воскликнул Фомичев. – Я получил приглашение полтора года назад. Руководители проекта – люди весьма и весьма основательные, неспешные. Но тут что-то произошло, сменился директор, и внезапно нам дали старт раньше времени. Потому-то я и оказался здесь. Изначально планировали, что старт будет с Земли. Я сам удивился, когда мне

прислали билет до «Абигайль». Прилетаю – а ничего еще нет, остальные должны прибыть на двух федеральных рейсах – завтра и послезавтра. А корабль придет еще позже. Может быть, через неделю. Так что я пока скучаю. Вот, – он извиняющимся тоном кивнул на зеркало, – от нечего делать решил постричься покороче. Ведь в экспедиции не до этого будет.

Полтора года назад, отметила я. Иноземцев сказал, что два года назад внезапно все заинтересовались Саттангом. В том числе и ученые.

– Я подозреваю, – Фомичев понизил голос, – все дело в Эльдорадо. Там очередной кризис, его, как обычно, пытаются заткнуть войной. А война никому из соседей не нужна. В Куашнаре паника – там получили данные, что флот Эльдорадо маневрирует в глубоком тылу. Понимаете, дело в том, что вот эта аномалия – она в некотором смысле барьер, разделяющий страны и категорически запрещающий вторжение. Саттанг окружен ею, и она продолжается до границ галактики. До той зоны, где наши двигатели уже бессильны. Ни у нас, ни у Куашнары, ни у Эльдорадо нет совершенно ничего для путешествий вне галактики. Может быть, есть у Шанхая. Но Шанхаю ничего от нас не нужно. Если они найдут решение, то просто улетят отсюда, заняв для себя другую галактику, целиком. А все остальные заперты в пределах Млечного Пути. Куашнара находится в довольно выгодном положении, поскольку с трех сторон она окружена соседями, которым экспансия не нужна. А с четвертой она голая. Имен-

но потому, что там аномалия. Представляете, это как дом, пристроенный к скале. Богатый дом. Три стены есть, а четвертая создана самой природой. И что будет с жильцами, если скала внезапно исчезнет? Куашнаре придется срочно решать важные вопросы. Либо им строить свой военный флот, либо приглашать наш. В первом случае они не успеют отразить атаку из Эльдорадо, во втором – распрощаются с фактической независимостью. На бумаге она останется, а на деле там будут торчать наши базы. Ни то, ни другое решение не нравится. Куашнара хочет с нами торговать, но не хочет ложиться под Землю. Но если ее захватит Эльдорадо, даже видимости суверенитета не останется. А для Эльдорадо оккупация Куашнары выгодна. И даже не с точки зрения геополитики. Куашнара неплохо обеспечена ресурсами. Она превосходит Эльдорадо не в процентном даже, а в количественном отношении. Притом что сама намного меньше. В общем, не ту страну назвали Эльдорадо. А у диктатора – мощные современные производства, у него огромный флот, ему надо как-то обеспечить страну. Как? Наши ресурсные базы далеко, а дальше пограничья диктатор не пройдет. А вот Куашнара под боком. И она легкая добыча, в отличие от нас.

– Я смотрю, вы неплохо осведомлены. Странно даже, ведь вы совершенно из другой среды.

– Меня же проверяли. Как и всех участников экспедиции. У нас только руководство импортное, а вся рабочая группа – земляне. Конечно, наши контрразведчики каждого едва не

под микроскопом изучили, не перебежчик ли. Когда меня вызвали на первое «собеседование», я пошел спокойно. Надо – значит, надо. Но когда меня дернули в третий раз, из-за какой-то чепухи, я возмутился. А я, должен вам сказать, умею возмущаться. В результате мы нашли компромисс. Я человек любознательный, и мне в виде компенсации очень много рассказывали про отколовшиеся страны. В конце концов меня, что называется, завербовали. Ничего такого, нет. Просто я обязался все научные данные, какие получит экспедиция, передать контрразведке. Я согласился, потому что исходно такое требование выставили нашему руководству: все результаты только общие. Я не думаю, что кто-то попытается что-то утаить, Эльдорадо ведь общий враг. Но если параноикам из контрразведки так будет легче жить – хорошо, я могу дать обещание. И даже сдержать слово. Так что теперь я еду в экспедицию подготовленным не только в научном, но и в политическом смысле. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что никаких настоящих секретов мне не выдали. И любой разведчик просто посмеется над моей наивностью. Но для обывателя я подкован очень даже неплохо.

Разведчик в моем лице не собирался смеяться. Разведчик мотал на несуществующий ус и думал, кого бы сведущего расспросить на эту тему.

– То, что вы рассказываете, очень интересно. А какое отношение ваша экспедиция имеет к политике?

– Все очень просто. Мы должны исследовать эту анома-

лию и точно установить, проходима ли она. В зависимости от наших результатов будет принято политическое решение в Куашнаре. И боюсь, однозначное: войну с Эльдорадо Куашнара не выдержит, значит, начнется торг с Землей о степени ее влияния на внутреннюю политику Куашнары.

– Знаете, а это ведь добрая новость. Я тоже невеликий специалист в таких вещах, рассуждаю как обыватель. Но мне кажется, если у нас одним врагом станет меньше... Да, я понимаю, что Куашнара из всех – самый спокойный сосед. Туда даже можно слетать по туристической визе. Но все-таки спящий вулкан остается вулканом. Если наступит прочный мир, многие на фронтире будут спать спокойнее.

– Да, конечно. Это одна из причин, почему я согласился. Вторая – мне, конечно, хочется изучить эту аномалию. Я как физик не вижу ни одного природного механизма, который позволил бы формирование такого явления. Хочу пощупать руками, что называется. Может быть, найду то, чего глазами не увидишь, – пошутил Фомичев. – А третья – это личное. Экспедиция рискованная, поэтому в качестве премии мне пообещали двухнедельную туристическую поездку в Шанхай.

– О! – только и сказала я. В Шанхай я и сама бы съездила. – А что, уже есть договоренность с Шанхаем о каких-то контактах?

– Нет. В том-то и дело, что у нас – нет. Есть у Куашнары. Есть полунезависимый порт, в котором граница между

Куашнарой и Шанхаем нарисована прямо по планете. По одному из меридианов. Это единственная точка соприкосновения. Касательно этого порта были составлены тонны договоров, за ним признали особый статус. Туристов из Куашнары пускают на шанхайскую территорию совершенно свободно. А для самых ценных людей есть уникальная услуга: путешествие по трем планетам Империи. В том числе – двое суток в столице. Можно даже издали полюбоваться на императорский дворец, а если повезет – увидеть выход монарха. Разумеется, все время поездки иностранец находится под постоянным контролем двух специально подготовленных сотрудников шанхайской госбезопасности. Но они охотно хвастаются своими достопримечательностями и могут переводить. Конечно, разговоры с местными в большинстве случаев пресекаются, но некоторые допустимы. С торговцами сувенирами, например, или с владельцами кулинарных лавок. Я так понимаю, настоящих торговцев там нет, там тоже госбезопасность, но мне что за разница? Я колорит увидеть хочу.

– Я почти завидую вам.

– Вот-вот. Моя жена очень хотела бы поехать, но ей не разрешили. Она славная женщина. Другая извернулась бы, но не пустила бы мужа. Ну а чего он будет получать то, что ей не дано? Моя не такая. Сказала – езжай, постарайся только сделать побольше снимков. И привези сувениров.

Я ответила улыбкой.

– А как вы, Делла? Я помню, вы искали человека...

– Нашли, – спокойно ответила я. Сообразила, что именно беспокоит Фомичева и добавила: – Живой.

– Да, – кивнул Фомичев. – Мне тогда показалось, что он жив, но в такой ситуации... честно говоря, побоялся говорить это вслух. Все-таки положение его казалось таким, что лучше не обнадеживать. Так что это за загадочное место, в котором обрывались следы? Я ведь не смог понять.

– Его называют по-разному. Хилярский тоннель, проход за Хилярой – кто как.

– Ого... – у Фомичева округлились глаза. – Постойте. В новостях же говорили, что Хилярский тоннель наконец открылся и вроде бы кто-то прошел, обнаружив, что он ведет к подлинному раю. Какая-то невероятно чудесная планета, причем созданная искусственно... Честно говоря, после таких заявлений я решил, что это очередная утка. Или кому-то в бреду привиделось. Я даже помню, что тот райский уголок – отныне частная собственность, зарегистрирована на некоего Кристофера Слоника...

– Это мой брат. Тот самый молодой человек, которого мы искали.

– Удивительно, удивительно... Делла, и вы ведь там сами побывали?

– Да, конечно. Я бы не сказала, что это рай – в том смысле, в каком его представляют верующие. Дивайн – очень хорошая, очень чистая планета, богатая всем, что нужно для жизни цивилизации. Но на подходе к ней видно, что она уже

была колонизирована. И не землянами, просто потому, что у землян таких технологий никогда не было. Честно говоря, мы тогда были уставшие, нас еще буквально по пятам преследовали, словом, я не осознала чудесности происходящего. Там – да, много странного. Флора и фауна привозные как бы не полностью, одни только леса из хилирского древовидного папоротника чего стоят... Да-да. Леса, по которым бродили земные слоны рядом с какими-то мелкими динозаврами.

– Но явных признаков деятельности именно Чужих вы не обнаружили? Или обнаружили?

– Да сколько угодно.

– Даже так... И никаких сомнений?

– Совершенно никаких. Там все – признаки. Сам тоннель явно искусственный, да что тоннель... Чужие стащили в Хилирский сектор массу планет, которых там быть не должно. Это ведь планеты с окраин галактики. И система Дивайна – она прямо-таки вылизана. Там ни мусоринки нет. Три великолепных твердокорых планеты, земного типа, у очень молодой звезды. Вы ведь понимаете, случайно такого не бывает.

– Я бы не спешил. Все-таки это еще не показатель. Природа допускает иной раз такие совпадения, что...

– А приводной маяк, центр управления, космодром и громадные подземные хранилища с техникой и роботами – тоже природные совпадения?

Фомичев побледнел. Потом откинулся на спинку кресла,

не замечая, что мешает своему мастеру. Впрочем, мастер не спешил. Он не смотрел в нашу сторону, но ловил каждое слово.

Я люблю салоны красоты. Это лучшие информатории в любой точке Вселенной, где разум желает прихорашиваться. Такое ощущение, что туда все приходят послушать и порассказывать секретные сведения. Выполняя миссии в Эльдорадо, я каждый день ходила в салон красоты. Объясняла, что хочу замуж за богатого, поэтому всю зарплату вкладываю во внешность. Мне верили – а что, там все молодые девчонки были такими, независимо от социального статуса. В салонах куда быстрее, чем в сетях, проскакивали актуальные новости. А если повезет с маникюрщицей... Мне повезло. Эта женщина когда-то работала в службе диктатора и знала все мелкие тайны эльдорадской элиты. Кстати, ее сведения не устарели до сих пор...

– И как все это выглядело?

– Приводной маяк я не видела. Крис, по-моему, тоже. А в центре управления мы были. Огромное яйцо, внутри – лестницы, которые протягиваются как нити, как нейронные связи в мозге, если хотите сравнение. В середине – площадка. На ней две толстые стойки, просто палки, на каждой – вогнутая пластина, чем-то напоминающая ухо, на высоте чуть выше головы. Встаешь между стойками, уши подстраиваются под твой рост, сдвигаются вплотную к голове, но не сжимают ее. Из стоек раскладываются подлокотники под руки.

Наш инженер рискнул. Собственно, если бы он не рискнул, мы бы с вами, наверное, сейчас не разговаривали. Он сумел дать определенный приказ центру управления. Но домой мы его привезли в состояние полутрупа. И он отказался рассказывать, что это такое, хотя уверял, что все понял.

– И никак нельзя уговорить его?

– Увы, никак. Сами понимаете, если он не проболтался моему боссу – это действительно «никак».

– Какая жалость, – Фомичев тяжело вздохнул и отодвинулся, так что едва не напоролся затылком на ножницы. – Дело в том, что по некоторым данным, Саттангская аномалия родственна Хилицкому тоннелю...

– У вас индейцы в экипаже есть? – перебила я.

– Нет, а что?

– Пока есть время – ищите. Без них ничего не получится. Если только случайно, но шансы слишком малы. Ищите почтаря или парня, который самую малость недотянул по способностям до почты. У нас в экспедиции такой был. Если бы не он, мы бы не прошли тоннель. Он просто услышал приводной маяк.

Фомичев помрачнел.

– Значит, все-таки телепатия. Делла, вы знаете, я провидец. Я давно перестал удивляться, что наш мозг способен на большее. Но в телепатию – не верю! Ей не на что опереться в нашем теле.

– Это не телепатия, – терпеливо сказала я. – Я не знаю, что

это. Но когда мой брат проходил тем тоннелем, его инженер поймал сигнал того самого маяка обыкновенным радаром. Что важно – неисправным. Поймал и распознал существующей аппаратурой. А значит – никакая это не телепатия. Но что именно – спросите не меня.

– Даже так... Делла, а насколько засекречены эти сведения?

– Да вообще не засекречены. Хотите, свяжу вас с Крисом? Он и как владелец планеты, и как человек, проживший там год, и как человек, который довольно много знает про историю именно этих Чужих в нашей галактике, сможет вас проконсультировать. Правда, готовьтесь к тому, что он не физик и даже не инженер.

– Это нисколько меня не пугает, – заверил Фомичев. – Природа, знаете ли, со мной тоже не на языке терминов общается, а ведь как-то я понимаю ее! Ну а человека пойму тем более.

– У вас ведь есть какой-либо документ, подтверждающий ваше участие в экспедиции? – спросила я серьезным тоном. Люди почему-то обижаются на подобные вопросы, причем сильнее и искреннее всего обижаются не мошенники, а те, кому скрывать нечего. И практика показала: на серьезный тон обижаются меньше и реже.

– Да, конечно...

Фомичев меня удивил: он не обиделся, а даже испугался.

– Вот, пожалуйста, мой контракт... – он сбросил мне на

чип длиннющий файл. – И на всякий случай – код моего куратора-контрразведчика. Это открытый код, можно обращаться без стеснения.

Я отправила Крису сообщение, чтоб он не пугался, если позвонит незнакомец с вопросами об устройстве Дивайна. К сообщению прицепила данные Фомичева.

– Надеюсь, вам это поможет, – сказала я.

– Да проходима эта аномалия, – вдруг брякнул мастер, стригший Фомичева.

Мы оба молча уставились на него.

– Извините, я слышал ваш диалог. Да вы и не шептались, наверное, не тайны обсуждали. Я думал-думал и решил сказать. Проходима она. Шесть дырок есть. И еще седьмая, но куда она ведет, никто не знает. Парень один был, он сюда ходил стричься. Болтал много. Он на археолога какого-то работал. Года три или четыре. Потом археолога убили, а команда рабочая осталась. Пять людей и два индейца. Один, в точности как мисс Берг указала, чуть недотянул до почтаря.

– И что же, где они сейчас? – очень дружелюбно спросил Фомичев. – Я имею в виду, можно ли с ними связаться? Полагаю, мое руководство согласится, что их опыт весьма ценный...

Мастер с горечью рассмеялся:

– А нет их. Никого. Вот как они два года назад вернулись, их пригласили доклад для военных сделать. Всей командой пригласили. Наобещали золотые горы. Снарядить новую экс-

педицию, заплатить за работу. Больше этих ребят никто не видел. Я слышал, вроде как каждому дом на Земле подарили. Врут, я считаю.

– Думаю, да, – покивал Фомичев. – Если бы так, то в моей экспедиции отпала бы нужда. Печально. А вы не помните подробностей?

– Да какие подробности? Я в этом не разбираюсь. Центральный ствол, вроде бы, виден хорошо, только куда он ведет? Там жизни нет, куда он ведет. Чуть ли не за пределы галактики. А еще шесть дырок – они боковые. Какие-то к диссиде ведут. Но не все. Может, там еще дырки есть, только их не нашли.

– Вы ведь по именам их помните, этих ребят? – незначительным тоном спросила я.

Мастер прищурился:

– А вам они на что? Любопытствуете?

Я сбросила ему свою рабочую визитку.

– Тот археолог, на которого они работали, – ведь Фирс Ситон? И одну из дырок нашли еще при нем?

Мастер внимательно изучил мою визитку. Потом еще внимательнее осмотрел меня.

– Он самый. Хороший человек был, но чужак. А вы, значит, серьезно к вопросу подошли... А мне что? Тут полгорода убивать надо, чтобы всех свидетелей уничтожить. Если только ядерную бомбу сбрасывать. Парень, который у меня стригся, – Стеллан Бруг. У него язык во рту не помещался.

Болтал направо и налево. Поищите – найдете тыщу человек, которым он похвастался. Остальных не знаю. Ну да это не проблема для людей вроде вас. Если вы официально, то хоть состав экипажа запросите, он должен сохраниться. И вот еще что: тот цвет волос, какой вы выбрали, вам не идет. Сделайте три-четыре рыжих или золотых пряди над лицом, будет хорошо.

– Спасибо.

– А будете следы искать – опасайтесь двоих. Они близнецы. Высокие, молодые, шатены. Стрижки как с подиума. Только кто их стрижет, не знаю. Они никуда не ходят. Ни в салоны, ни на дом мастера не вызывают. Где живут, тоже непонятно. Их не видели в кафе, магазинах, на рынке. Нигде. Никогда не проходят через рамки, всегда ждут на улице. Они наша местная достопримечательность. Их весь город видел. Но никто не знает, как их зовут. Два года назад они стояли и ждали на улице, пока я стриг Стеллана Брога. Он сказал, это его телохранители, военные выдали. Чтоб ничего с ценным специалистом худого не случилось. Я видел, он вышел и сел к ним в машину. Я последний, кто его видел. Через месяц ко мне пришел стричься залетный вояка, не с нашей базы. Завел беседу, мол, Стеллан Бруг его друг. Я вообще не спрашивал про него, он сам завел. Он и сказал, что Стеллан теперь на Земле живет, у него все хорошо. Родней его интересовался, мол, надо же помочь им переехать к Стеллану. Да ну какая у него родня, может, и есть где, он ведь приезжий. На-

звался Федором Добровым. Полковник. А я случайно знаю, что Федор Добров – сержант-инвалид, на коляске ездит. И стричься у меня ему не по карману. Может, и совпадение, мало ли в мире тезок.

– Этот салон принадлежит вам? – спросила я прямо.

– Да. Мастер, который вас стриг, – мой учитель.

– Он сильно обидится, если я попрошу не его, а вас покрасить мне несколько прядей?

– Нисколько не обидится, – усмехнулся мастер.

Фомичев выглядел смущенным.

– Делла, мне даже неловко оставлять вас одну... Мне уже пора, но я не могу бросить вас в опасности.

– Не беспокойтесь, я могу постоять за себя. Лучше держите меня в курсе – чем закончились ваши переговоры с Крисом. Если я что узнаю для вас интересного, практического, – дам знать.

– Да, спасибо.

Фомичев поднялся, расплатился и направился к выходу. Мастер проводил его до двери, вдруг замер. А потом прикрыл дверь и метнулся к мониторам внешних камер.

– Мисс Берг, скорей идите сюда!

На мониторе навстречу Фомичеву шли двое. Братья-близнецы. Шатены, дорого и модно одетые. Со спокойными лицами. Вот они поравнялись, остановились, что-то спросили. Фомичев напрягся, но вопрос удивил его. Отрицательно покачал головой. Пошел дальше. Я выдохнула – братики отпу-

стили его. Их интересовал салон.

А на противоположной стороне улицы остановилась большая машина. Большая и знакомая. Кажется, она возила Иноземцева. И в салоне смутно просматривался силуэт очень крупного мужчины за рулем.

– Что будем делать? – с тревогой спросил меня мастер.

– Разумеется, приводить мою голову в надлежащий вид. Вы ведь сказали, эти двое не заходят внутрь? Пусть ждут.

– Но из салона нет другого выхода.

– Ничего страшного. Мне хватит гигиенической комнаты. И не отключайте там камеры.

– Вы бесстрашная женщина.

– Ну что вы. Просто хочу быть красивой.

Доработка стрижки заняла пятнадцать минут. Я любовалась результатом. Да, пожалуй, получилось интересно. Я не узнавала себя, но результат меня радовал. Рыже-золотые пряди оживили скучный русый цвет, и мои глаза, вообще-то серые, заиграли оттенками голубого. Да и румянец какой-то обнаружился.

Я расплатилась, попросив увеличить сумму на двадцать процентов. Мастер удивился, но выполнил просьбу. Ничего, через десять минут он узнает почему. Потом я зашла в гигиеническую комнату. Проверила новые сообщения. Отлично, Фомичев отписался, что братцы осведомились у него, скоро ли выйдет мисс Браун, Ева Браун.

Взвесив на руке шокер, я подставила стул под первую камеру. Один разряд – камера выключилась. Еще три штуки. Потом я бросила стул в окно и туфелькой выбила самые крупные осколки. А потом я надела рабочие линзы – те, которые искажали рисунок сетчатки глаза.

Когда я вернулась в зал, мастер опешил. Наверное, он думал, я давно уже вылезла в окно и сбежала. Я помахала ему рукой и беспечно вышла на улицу.

Да, они ждали меня.

Холодный взгляд в глаза. Камера вместо зрачка. Федор Добров совершенно напрасно думает, что андроидов сложно отличить от человека. Даже таких навороченных.

– Простите, миз, – обратился ко мне один из них. – В салон вошла девушка, Ева Браун. Она журналист, описывает новые маршруты для туристов, а мы с братом сотрудники агентства «Фронтир-Тур». У нас для нее очень интересное предложение. Не подскажите, она еще там?

– Брюнетка? – уточнила я. – Да, была там какая-то... Я видела, что она пошла в гигиеническую комнату. Должна скоро выйти.

– Не хотите пообедать со мной? – внезапно спросил второй близнец. – Вы очень красивая и нездешняя, я могу показать вам самые красивые места колонии.

– О, парень, только не сегодня, у меня уже назначено свидание. Пока-пока!

И я, помахав им рукой, быстро пересекла улицу. А то еще

помогут мне сходить с ними на свидание... на какой-нибудь океанский берег, где мне так понравится, что я утону от восхищения.

В машине полковника распахнулась пассажирская дверь. Я нырнула внутрь.

– Привет, Федор.

– Добрый день, мэм.

– Это и есть ваши другие андроиды?

– Именно так, мэм.

Он тронулся. Молодчики проводили его взглядом. А потом внезапно побежали к машине, оставленной чуть дальше по улице.

– Федор, кажется, у меня проблемы...

– Я андроид, мэм. У вас нет проблем.

– В таком случае, через двадцать пять минут я должна быть на космодроме. Причем – не в зале, а на стартовом столе. Пропуска на поле у меня нет, и времени обходить через терминалы – тоже.

– Будет, мэм. Пристегнитесь дополнительно, мэм.

И он вывел двигатель на форсаж.

* * *

Не могу сказать, что боюсь полетов. Но полет на максимальной скорости в десяти метрах над землей, между зданиями – тот еще адреналиновый аттракцион. Федор рассчиты-

вал повороты и виражи с минимальными зазорами, салонная обшивка стонала и хрипела от перегрузок, я мечтала только о том, чтобы машина не развалилась в воздухе.

Попутно Федор взломал базу космодрома и сделал мне пропуск на стартовый стол. Хороший служебный пропуск, можно пройти через технический вход.

– Ты на все руки мастер.

– Универсальный солдат, мэм.

– А мне казалось, твои инженерные навыки – уже твоя заслуга.

– Я повышал образование. У меня было достаточно времени. Но кое-что – базовые программы.

Впереди показался космодром. Федор внезапно бросил машину вниз, на дорожное полотно, и вильнул на парковку.

– Дальше вы сами, мэм. У вас еще пятнадцать минут. Я задержу погоню.

– Федор?

– Не беспокойтесь за меня, мэм. Я знаю, что делаю. У вас есть оружие? Впрочем, оружия много не бывает. Сейф под вашим сиденьем. Возвращайтесь затем на базу. Я доберусь самостоятельно.

Мы поменялись местами. Федор обошел машину и, слегка поднатужившись, выволок из багажника пулемет. С такими ходят терминаторы, из расчета одна единица на отделение, и совсем не жалуются, только вот у них пулеметчик в усиленном экзоскелете... Странно, я почему-то думала, что ан-

дроид использует более изящное решение, вроде перехвата управления. С другой стороны, он всегда ратовал за эффективность и целесообразность.

Я была уже в воздухе, когда за спиной послышалась стрельба, а затем раздался взрыв. Что ж, эффективненько. Но это не повод расслабляться. Никто не обещал, что не будет других препятствий.

Я едва успела сесть, когда грохнуло второй раз. Мимо пронесся сорванный щит с рекламной стойки, полетели ветки деревьев. Я на секунду застыла, вцепившись в штурвал. Хороший был парень Федор Добров... Столько взрывчатки слишком много даже для андроида.

Интересно, что такого особенного мне должны прислать из министерства, если началась откровенная охота за моей головой?

Я шла по длинным служебным переходам, выходящим к столу. Пропуск, сделанный Федором, имел высший приоритет, меня не задержали ни на секунду. Термошлюз – дорогое изобретение, позволявшее войти в корабль сразу после посадки, когда стол еще раскален. В термошлюзе мне пришлось ждать целую минуту. Потом открылся люк, и дежурный сообщил:

– Мисс Берг? Вас ожидают на мостике. Если у вас есть оборудование, позволяющее вести съемку, прошу его снять: борт военный, съемка внутри запрещена.

Почему-то мне показалось, что под видом пакета из мини-

стерства приехал сам Август. Сердце застучало, я даже успела убедить себя, что такой «пакет» представляет реальную опасность для Мимору, или кто там на меня охотится. Ну а зачем еще, если это не Август, мне получать почту, простите, на мостике?!

Сняв линзы, я шла за дежурным.

– Мисс Берг? – протянул руку моложавый блондин в капитанском кителе. – Я Шерлок Маккинби. У вас найдется для меня четверть часа?

– Пожалуй. Если ваше расписание позволяет.

– Мне дадут дозаправку только через сорок минут. Увы, в дальних колониях не умеют работать по расписанию. Прошу вас, – он жестом показал направление.

Мы перешли в каюту, разделенную надвое – на спальню и крохотный кабинетик. Стюард подал чай. Капитан Шерлок Маккинби дождался, когда мы останемся одни, открыл сейф и вынул два конверта.

– Вам.

На одном были печати министерства. Второй был чистый, хоть и заклеенный.

– Официально вот это, – капитан показал на министерский пакет, – вы получите через две недели. А вот этого, чистого, вообще не существует. Оба пакета я получил из рук Августа Маккинби. Видите ли, мы хоть и родственники, но весьма отдаленные. Тем не менее, я знаком с ним. Я пять лет отслужил во внешней обороне Клариона. Август хотел,

чтобы вы получили эту информацию поскорей. И так, чтобы пакетов не касались чужие руки. Поэтому попросил меня.

– А вы не удивились такой просьбе?

– Ну что вы. Конечно же, нет. Три года назад я своими глазами видел пакет из налогового департамента, битком набитый взрывчаткой. Это Фронтир, здесь такое бывает. И я бы сам попросил вас вскрывать эту почту во взрывобезопасном сейфе. Разумеется, все меры были приняты, но... бережного бог бережет.

– Благодарю.

– Не за что. Обратно я лечу через две недели. Если управитесь, могу взять вас на борт.

– О, – я улыбнулась, – как это любезно с вашей стороны.

– Не стесняйтесь. Чай плох? – он показал на чашку, к которой я не притронулась.

– Ну что вы. Судя по аромату, великолепен. Но, капитан Маккинби, – я поднялась, – я и так отняла у вас слишком много времени. Мне пора возвращаться.

Он огорченно покачал головой.

– Поверьте, мисс Берг, я не одобряю такие методы.

– Что?

Я успела только упасть на пол, уходя от выстрела.

Второй был в спину.

– Мисс Берг! Мисс Берг! – кто-то легонько хлопал меня по щекам. Потом в лицо брызнула холодная вода. – Мисс Берг, очнитесь!

Я поморгала и села. Тело затекло. С изумлением оглянулась.

В чувство меня приводил полковник Иноземцев. За его спиной торчали два парамедика и отделение солдат. А я лежала на заднем сиденье той же большой машины, на которой приехала на космодром.

Лихорадочно ощупав себя, я убедилась, что ничего не пропало. В сумочке два пакета – якобы из министерства и от Августа. Одежда в порядке, ну с поправкой на то, что я некоторое время провалялась в машине. Сама машина мирно стояла на пригорке, откуда открывался вид на город.

Да, потерь не было. Зато обнаружились «приобретения». У меня теперь было два сопряженных браслета. Один – мой, привычный. А второй мне не понравился сразу. Широкая лента с металлическим глянцевым блеском, плотно обнимавшая запястье. Стыков я не увидела. Лента не тянулась, и стащить ее не вышло.

Я знала, что это такое, хотя видела только однажды. Браслет тотального контроля. Вещь абсолютно запрещенная в федеральном производстве, но весьма популярная у рабо-

владельцев. В зависимости от модели может работать шоке-ром – если человек, который его носит, совершает запрещенное действие, – или соглядатаем. Тот, у кого есть код от такого браслета, будет получать рапорт о каждом моем действии. Вся информация обрабатывается на чипе – и дублируется на этот браслет. А при попытке разрезать эту штуку она просто взорвется, в лучшем случае отрывая руку. В худшем... ну, это зависит от того, сколько взрывчатки в нее засунули.

Проклятье.

Иноземцев сочувственно глядел на меня.

– Тоже знаете, что это такое? – спросила я хмуро.

– Видал. Кто это вас так наградил?

– Вот бы знать! Парня, с которым я встречалась, звали Шерлок Маккинби. Но я сильно сомневаюсь, что он Шерлок, особенно Маккинби.

– Если бы Федор остался в строю, можно было бы попросить засечь передачу. Узнали бы, кто надел ленту. Говорят, хозяин может снять ее. Но Федор...

– Всё? – с грустью спросила я.

Иноземцев пожал плечами:

– Мне кажется, да. Ваш парень, Князев, пытается что-то сделать. По крайней мере, есть надежда снять данные. С Федора и тех двоих.

– Ого... А те двое, между прочим...

– Да. Мне жаль Федора. Но в одном он прав: тех ребят надо было уничтожить. И никто не сделал бы это так акку-

ратно, как он. Жаль, что он немного не рассчитал. Он справился, просто по нему – и тем останкам – ударили ракетой.

– Кстати, Князев... – я с сомнением поглядела на свою руку. – Князев! Может быть, он что-то придумает.

– В таком случае, его придется всю жизнь держать в федеральном бункере. Потому что до сих пор никому не удавалось подрубить систему, используемую в этих лентах.

– Попробуем. – Я вскочила. – Мне нужно работать. А Князев и так в тюрьме, ему терять нечего.

* * *

– Это какой-то самопал, – изрек Князев, внимательно изучив мою ленту. – Не федеральная штука точно. Взрывчатка если и есть, то очень мало. Руку не оторвет даже. А ее на самом деле и не нужно отрывать. Кости поломать, кожу сдернуть, кровотечение, опять же, будет – и все, не боец и не беглец уже.

– Куда идет передача? – спросил Иноземцев.

– А никуда.

– В смысле?

– В смысле, ее нет. Лента-то молчит. Чего-то, сдается мне, ее включить забыли. Она вообще ни на что не реагирует. Там нет тока. Ну, самопал же. Может, она вообще нерабочая.

– Это уже какой-то фарс, – я уронила голову на ладонь. – Мне надели чертову ленту, а она оказалась неисправной...

Вась, так не бывает.

– Еще как бывает. Вон, ошейник мне выдали? А он тоже неисправный!

– О как! – нехорошо удивился Иноземцев.

– Ну да. Но я же не собираюсь убежать. У меня и так все хорошо. Церковь есть, батюшка светлый очень. Работа интересная. Людям пользу приношу. Зачем мне дергаться-то? – Князев честно похлопал глазами.

Мы с Иноземцевым переглянулись.

– Вась, а спровоцировать эту штуку на передачу можно? Нет шанса, что она выходит на связь периодически, а не постоянно?

– Делла Берг, ты убиваешь меня своим невежеством, – вздохнул Князев. – Я молчу, что для накопительной передачи должно быть какое-то устройство для хранения данных. А его нет. Но дело даже не в этом. В конце концов, как накопитель может работать и корпус ленты. Но у этой штуки нет связи с твоим чипом! Понимаешь? Что она будет передавать, если не идет копирования?!

Мы замолчали.

– Тогда я ничего не понимаю, – признался Иноземцев. У него звякнул браслет, он проверил данные. – Та-ак... Мисс Берг, вам это будет интересно. Борт, который вы посетили, – это курьерский корабль спецсвязи. Он действительно сегодня дозаправлялся. Вот только никакого капитана Шерлока Маккинби на борту не было. Такой человек существует, но

он давно вышел в отставку. Постоянно проживает на Кларифоне. Вот так он выглядит, – Иноземцев показал мне фото из досье.

На фото был кряжистый седой мужчина, довольно сильно похожий на Августа. С моложавым блондином в капитанском кителе, которого видела я, не имел ничего общего.

– Кому подчиняется спецсвязь?

– Разумеется, командующему округом, как и везде. Но я понял, о чем вы. Приказ мог отдать и начальник разведслужбы округа.

– Поработаем с фотороботом? Попробуем опознать этого типа.

На составление фоторобота по моим воспоминаниям ушло около часа. Иноземцев глянул на результат, покряхтел.

– Надо же. А я считал его честным человеком.

– И кто он? – спросила я.

– Ежи Духанов. Начальник разведслужбы округа. Сейчас в отпуске по состоянию здоровья.

Он вызвал публичное досье. Да, это тот самый человек. Выпускник Московской академии войск специального назначения – второй по значимости университет после Военного. И что толкнуло его на преступление? Хотя вопрос-то глупый. Деньги, деньги. Зато понятно, на что надеялся Мимору: если Духанов его сообщник, то у них, небось, уже готово укрытие за кордоном.

Стоп, сказала себе я. Все не так. У этого человека мента-

литет – похожий на мой. Это разведчик. И совершенно не обязательно его действия означают то, на что похожи.

Ему могло быть интересно то, чем я занимаюсь, но он не хотел выдавать свое участие. Возможно, он сам не может влезть в интригу – слишком заметен, поэтому я нужна ему в качестве глаз и ушей. Хотя нет, у меня же лента неисправна. И я не поверю, что разведчик мог прошляпить такую важную деталь. Значит, знал. Повесил на случай, если кто увидит меня воочию и удивится: почему нет ленты? Ну и для того, чтобы я сама была осторожней. А курьерский корабль шел на Тварь. Зачем Духанофф летел на Тварь, будучи в отпуске? На Твари, между прочим, Алистер Торн. Который уже известен тем, что валит армейские интриги, не опасаясь возмездия. Но если не будет передачи, заказчик удивится... точнее, про отсутствие передачи он может и не знать, но он захочет сведения...

– Полковник, вы можете без шума провести розыск? Где-то в городе есть женщина по имени Ева Браун. Или, не исключено, Делла Берг. Или даже Офелия Гвиневра ван ден Берг.

– Сделаю, – кивнул Иноземцев. – Думаете, Духанофф на нашей стороне?

– Понятия не имею. Слишком мало данных.

Иноземцев ушел.

– И что дальше будем делать? – спросил Князев.

– Работать. Ты тут уже освоился?

– Вполне.

– Где взрывобезопасный сейф, знаешь? Мне кое-что проверить нужно. И твое присутствие обязательно: будешь контролировать, не пойдет ли передача с ленты.

* * *

Взрывчатки не было. В двух конвертах мне прислали именно то, что нужно для работы. В министерском были документы, разрешавшие мне пересечь границу, с соответствующим распоряжением для Мимору – не пешком же я пойду, мне корабль нужен и посадочный челнок. Иноземцев увидел, сказал, чтобы челнок я у Мимору не брала, лучше здесь, на базе, у него в загашнике такая игрушечка есть, пальчики облизешь.

В том же министерском пакете был подарок и от Августа. Несколько карточек с ценнейшей информацией. Карточка с копией договора о поиске Максима Люкассена, Иды Рафферти, индейцев Кера и Санты. Клиентом Августа выступил отец индейца Кера. Отлично, теперь у меня полностью прикрыты тылы. Детальные карты Саттанга, собранные Августом, я немедленно загрузила на свой основной браслет. Расшифрованный дневник Фирса Ситона – в нем отсутствовали только сведения за последние месяцы жизни, поскольку Фирс не столько дневник вел, сколько составлял отчеты по возвращении. В тот раз он не вернулся...

Этот парень был педантом и перфекционистом. Я в жизни не видела у гражданского такого подробного и точного описания как местности, так и событий. Загадочный храм, гравитационные аномалии, странные поверья индейцев – у него все сложилось в стройную систему.

Чужие были. Они построили тоннельный мост между двумя галактиками. Мост, опиравшийся на две планеты – одну там, другую здесь. В нашей галактике опорной планетой стал Саттанг. Да, на нем уже была своя цивилизация. Чужие стали для индейцев богами. Они не собирались уничтожать народ, нет. Напротив: сначала индейцы стали бы учениками, а затем и равными. Почему нет? В галактике ведь достаточно места для всех.

Фирс Ситон своими глазами видел вход в этот межгалактический тоннель. Но заходить не рискнул. О проходах внутри нашей галактики он не знал ничего. Их нашли уже после его смерти. Или – после того, как он внес в дневник последний рапорт.

С Крисом он дружил. У них было много общих интересов, очень много. Собственно, Крис дал ему недостающую часть картины – рассказ о Чужих.

Какую ценность эта информация имела для нас, я не понимала. Чужие планировали переселяться тысячу лет назад. Или около того. Но не пришли. Похоже, приходит уже некому. И та галактика, куда уводил тоннель, наверняка мертва. Нам там делать нечего. То есть никакой практической поль-

зовательской ценности эти данные не имели. Так, для общего развития.

На другой карточке был отчет мастера Вэня, которого Август попросил восстановить поврежденный дневник Ивана Кузнецова. Мастер Вэнь отметил, что отсутствующие страницы были изъяты недавно, от силы три-четыре года назад. Восстановлению поддались не все. Но даже оставшегося было достаточно, чтобы понять многое.

Сара Сэйер, маленькая девочка, ставшая пилотом Чужих, улетела с Земли на «тарелке», обещав вернуться через месяц. Не вернулась никогда. Но время от времени она присылала весточки маме – мол, все в порядке, тут так интересно. Мама, кажется, смирилась с тем, что дочка сама того... немного Чужая. Те Чужие, которые побывали на Земле, были биороботы. Серые малыши, как называл их Кузнецов – а вслед за ним Крис. Сара довела их корабль до другой планеты, но выяснилось, что это лишь перевалочная база. И пилот требовался именно там. Это там, в истинном экипаже Чужих, произошла беда, и серые малыши помчались по галактике в поисках помощи.

Сара вздох рассказывала об этой другой планете. О разумных человекообразных медведях, об их обычаях и быте. Она даже привела несколько слов из их языка. Привела как сумела.

Одно из них было индейским.

Понятно, почему Крис зацепился за Саттанг. Разумные

медведи – это, конечно, сильно сказано, нужно обладать недюжинным воображением, чтобы сравнить индейца с медведем. Но что мы знаем о фантазии маленькой девочки, единственной на Земле, кто сумел управлять кораблем Чужих?

Восстановленные лакуны обрывались на записи, имевшей отношение уже не к Саре, а к Билли Мбабете. «Билли решил попробовать. Я пытался отговорить его. Ничего не хочет слышать. Он три года жалел, что упустил тот шанс. Этот не упустит...»

Я посмотрела на даты. Да. Билли вцепился в свой шанс. И пропал без вести.

Черт, что же такого важного в этой информации?

Пришел Князев, хмуро глядя на свои ладони.

– Делла Берг, – позвал он, – эта штука, которую на тебя налепили, пачкается.

Я не сразу поняла, о чем речь.

– Лента, – пояснил Князев. – Я вроде руки вымыл, а тут случайно под лампу встал – а руки светятся. Я почистил, как надо обработал, – все равно светятся! Короче, я с кожи выцарапал немного этой дряни. И в анализатор ее. Это умная пыль. Жуткая штука. И вот она-то излучает.

– Ты не мог бы выражаться пояснее?

Князев вздохнул:

– В этой твоей ленте нет ничего. Ни взрывчатки, ни передатчика. Она битком набита умной пылью. Пыль вцепляется

в кожу, и ее ничем не снимешь. Как только попадает на кожу, начинает излучать. Излучение слабое, да. Но если детектор хороший, то он ее с орбиты почует.

– И что это даст?

Князев пожал плечами:

– Не знаю. Зависит от того, какой у нее приказ. У пыли, в смысле. Но зато можно узнать, где эта пыль.

– И смысл?

– Вот! – обрадовался Князев. – Этот парень, Духанофф, он умный. Он подсунул тебе ленту, а ты будешь ходить, прикасаться к сомнительным людям. А он узнает, где они бывают. Ну вот смотри: ты, например, встретишься с пиратом. Испачкаешь его пылью. А у Духаноффа на мониторе – весь маршрут пирата.

– Знаешь, по-моему, слишком навороченно. Умная пыль – очень дорогая вещь.

– Ты как будто в армии не служила. Тебе Иноземцев рассказывал про парня, который любые двери открывал? И вскрыл склад оружия? Тогда нашли все – кроме контейнера с пылью. Я думаю, что контейнер вообще первым нашли, только вся пограничная разведка растащила ее на свои нужды. Ну а когда еще так повезет, верно? И вот еще. Я сказал, что лента ничего не пишет и не передает, потому что не может. Не хочу, чтобы ты думала обо мне дурно, мол, Князев не умеет признавать ошибки. Я все умею, что надо. Короче, я ошибся. Я не подумал про умную пыль. Она-то все может.

Она вообще может не с твоего чипа данные писать, а сама по себе. Тогда корпус будет работать накопителем. Насчет передачи не скажу, не понял еще. Но, наверное, при каких-то условиях может и передавать.

– Хм. Знаешь, а в этом что-то есть.

– Есть-то есть. Только как мне теперь работать? Я хотел в андроиде покопаться, в этом, которого Федор убил. Но если пыль попадет внутрь, могут быть сбои. А в перчатках работать не могу.

– Жаль, но я не знаю, чем тебе помочь. А что, есть шансы? Иноземцев сказал, что никаких.

Князев смущенно отвел взгляд.

– Вот я и об этом хотел поговорить. Ты же всемогущая?

– М-м... Стараюсь.

– Короче говоря, с Федора я все снял, но разбираться буду год. У него такая система размещения файлов, да еще и шифрование... разберусь, конечно, но не скоро. Если бы его починить, он бы сам разобрался. И с собой, и с теми двумя.

– В чем проблема?

– Проблем две. Я фиговый механик, это первая. Вторая – нет деталей. Их можно взять только в Куашнаре.

– Та-ак... Князев, тебя никто в Куашнару не выпустит.

– Да я туда не хочу! Послушай, я тебе одну вещь скажу. Тебе мастер Вэнь что-нибудь рассказывал про то, как бежал из Шанхая? Ну, хотя бы в общих чертах? Что его там спалили, сунули в тюрягу, напарника его на двенадцать частей

распилили и домой послали, а у Вэня успели только... в общем, неважно. Жить без этого можно, хотя и скучно. А он удрал и утащил с собой ценные сведения. Так вот, почему все получилось: эти сведения – они в голове у человека. У живого. Вэнь из Шанхая не один бежал, а вместе с китайцем. Но это государственная тайна, потому что китаец – спец по китайской кибернетике. И он, я точно знаю, рукастый перец. Можешь его достать? И договориться, чтоб детали из Куашнары привезли?

Я с сомнением глядела на Князева.

– Вась, не пойму – у тебя фантазия богатая или амбиции непомерные?

– Да при чем тут я?! Тут же измена, а у этих ребят в мозгах – конкретный приговор для всей шарашкиной конторы!

– Отлично. Тогда я дам тебе рабочий код Алистера Торна. Звони сам и убеждай его. У тебя это получится лучше, чем у меня. Ты ведь сможешь объяснить, какие там неисправности?

Князев вытаращил глаза:

– Алистер Торн? Я слышал про него. Он большой человек в контрразведке. И что, я вот так, сам, могу ему позвонить? А как я ему объясню, как вообще оказался в этом деле?

– Словами, Вася. Исключительно словами. Ну, можешь еще мимикой и жестами. Алистер отлично знает твою историю.

– Ну... – Князев поскреб в затылке. – Ну хорошо. Ты пра-

ва, я действительно объясню лучше, чем ты. Давай код.

Я с некоторой опаской полезла в свою контактную книгу на браслете. Князев с любопытством вытянул шею.

– Ты свой сканер далеко спрятал?

– Да нет, я его вообще выключать не стал. Не волнуйся, если что, он мне сообщит сразу.

Я сбросила код. Князев кивнул.

– Я пошел тогда, звонить.

– погоди, – послышалось от дверей, и в лабораторию вошел полковник Иноземцев. – Есть три новости. Одна так себе, две плохие. Из плохих непонятно, какая хуже.

– Давайте начнем с той, которая так себе, – попросила я.

– В городе есть и Ева Браун, и Делла Берг, и Офелия ван ден Берг, – выпалил Иноземцев.

Я аж крякнула.

– Все три – приезжие. Ева Браун – журналистка-натуралистка, живет в отеле. В том самом, где вы остановились по приезде. Ее видят каждый день. Здоровенная спортивная тетка, лет сорок. Пару дней назад к ней кто-то пристал, хотел странного, она его одной левой с лестницы спустила. Поломался бедолага – весь. За ним явились какие-то непонятные парамедики, мне горничная сказала – один точно из контрразведки, она его видела раньше. Делла Берг – просто туристка. Приехала на отдых и лечение. У нас тут даже специальный курорт есть, она там и живет. Молодая девчонка, шатенка, повыше вас ростом, но со спины похожа. У нее бур-

ный роман с нашим новым комиссаром полиции. Хороший парень, неженатый, молодой совсем, лет тридцать пять ему. В городе бывает часто, но только с комиссаром. Теперь Оффелия ван ден Берг, исполняющая обязанности княгини Сонно. Остановилась в частном доме, арендованном за три дня до прибытия. Эту не видел никто. Но она приехала со своим персоналом, по делу: какие-то закупки. Менеджера ее видели, действительно ведет переговоры, пока ни с кем не договорился – то объемы его не устраивают, то качество. Особенно, где она живет, охраняется – она своих ребят привезла. Крутые ребята. Да, прибыла на собственной яхте. У нее их две – одна старая, вторая новая, вот на новой. Знаю, что модель – «Кипр-835».

– У княгини Сонно никогда не было такой яхты, – только и сказала я.

– Мне-то откуда знать?

– Слушайте, я вовсе не имела в виду, что вы ошиблись.

– И как это понимать? – спросил он с надеждой.

– Не знаю, – протянула я. – Похоже, кто-то отвлекает внимание от моей персоны. Устраивает неразбериху. А что у нас плохого?

– Новость первая. Послезавтра должен прибыть корабль, который доставит вас на Саттанг. Корабля не будет. По личному приказу командующего округом переведен на патрулирование в секторе Тор-2, там начались беспорядки.

– Та-ак, – только и сказала я.

Значит, придется вспоминать молодость и выбираться за кордон в трюме у контрабандистов. Ведь кто-то же снабжает банду, окопавшуюся на Саттанге. Впрочем, есть и другие варианты.

– Ну и последнее. На ваше имя пришло приглашение. От командующего округом.

Князев с Йеном уставились на меня так, словно я получила приглашение на казнь. Иноземцев даже удивился:

– Нет-нет, что вы, это совершенно безопасно. Но, скорей всего, командующий прекратит ваше расследование.

– Разберемся. В конце концов, тут полно контрабандистов. И что, все они попадают на Саттанг исключительно с ведома и разрешения командующего?

– Да, я подумал о том же, – согласился Иноземцев. – Конечно, я кое-кого знаю. К сожалению, сейчас никого из моих знакомых нет, порекомендовать вам некого. Но если вы сами найдете – у меня есть челнок. Неучтенный. Отличный челнок. Я говорил уже про него. Думаю, если вы будете договариваться, чтобы вас высадили на поверхность, желающих найдется мало. А если вы попросите доставить вас до орбиты – с этим проблем не возникнет.

– Спасибо, полковник. Но сначала я все-таки побеседую с командующим. Вдруг у меня найдутся достаточно убедительные аргументы?

Иноземцев только обреченно вздохнул и махнул рукой. Тем же вечером я вылетела в штаб округа.

На космодроме меня встречал адъютант Мимору – хорошенький отглаженный хлыщ лет двадцати пяти от роду.

– Капитан Берг? – он показал на выход. – Машина подана. Прошу.

Ехать пришлось полтора часа. Штабной комплекс располагался в живописнейшей долине, среди невысоких гор, на берегу чистого озера. Картинка, а не штаб. Почему-то вспомнилось, что штаб генерала Маккинби выглядел подчеркнуто функционально, а штаб Энстона – как крепость. Никаких игрушек, это для войны, а не для забавы.

Машина проехала по вылизанной дороге с подстриженной по обочинам травой, через парк, замаскированный под лесок, обогнула гигантскую клумбу с лилиями, источавшими убийственный аромат, и остановилась перед крыльцом явно жилого здания. Понятно. Командующий решил принять меня в неофициальной обстановке. Показатель, однако.

Это был личный особняк. Небольшой, Мимору как бы сообщал всем, что он человек скромный, но привык к комфортной жизни. И вкус к роскоши у него есть, а как же. Лестницы с деревянными перилами, оконные переплеты под свинец, шерстяные ковры с народным узором, явно ручной работы. Кокетливо расставленные вазы а-ля Шанхай и статуэтки а-ля Африка. Кукла в индейском женском наряде, в мой

рост. Очень натуралистично выполненная, кстати.

Домашний кабинет генерала располагался в библиотеке на втором этаже. Стеллажи, заполненные книгами, – надо полагать, десяток аутентичных томиков там есть, но остальное просто переплеты. Камин с железной решеткой и настоящей кочергой. Два кресла, на спинке одного небрежно брошенный плед в латиноамериканском стиле. В глубине – большой стол на вычурных ножках-лапах, рядом – бар с прекрасным выбором напитков. И сам командующий – высокий, тонкий блондин, в кителе, но не затянутый.

Адъютант доложил обо мне и удалился. Мимору шагнул навстречу:

– Добро пожаловать, капитан Берг. Рад знакомству. Присаживайтесь. Хотите что-нибудь выпить?

– Спасибо, я не употребляю алкоголь.

– И, как большинство выпускников Военного университета, не курите постоянно? Понимаю, понимаю... Весьма похвально. Может быть, кофе?

– Лучше чай.

Он позвонил в металлический колокольчик. Явилась горничная с подносом, быстренько сервировала чай – прямо на рабочем столе. Я из вежливости взяла чашку, хотя пить не хотела.

– Мне слишком поздно доложили о вашем прибытии, – сказал Мимору. – Должен сказать – и это мое мнение, которое я готов отстаивать у министра, – что в вашей миссии

нет смысла. Я постоянно говорю: оставьте Саттанг в покое. Нет там ничего и не будет. Наше государство получило бы куда больше пользы, если бы направило средства на другое. На развитие пограничных колоний, в конце концов. На замену устаревшей техники. С чем мне воевать, не приведи Господи? У меня самый обширный округ. И самый запущенный. Положиться не на кого, мне сюда присылают сплошные отбросы, простите за прямоту. Офицеров, которые купили диплом, солдат, которые выбрали армию, чтобы избежать тюрьмы... Слыхали поговорку: «Патриотизм – последнее убежище негодяя»? Вот это про контингент, с которым мне приходится работать. Вор на воре. Невежи, неумехи, лентяи, саботажники – и воры. Я здесь заменяю и государство, и полицию, и суд – потому что если я не буду этого делать, округ попросту развалится! Никто не хочет работать. Никто! И когда в очередной раз присылают специалиста, только не мне, а на Саттанг – мне хочется рыдать. Две группы, две прекрасные группы сгинули ни за что. А ведь они были нужны мне как воздух. Теперь вы. Столичная девочка, притом обстрелянная и награжденная. Вот что тянет вас на Саттанг? Вы же нужны здесь. Вы могли бы обучить сотню рядовых разведчиков. Разве Родине от этого пользы меньше, чем от вашей дурацкой смерти?

– У вас же есть отличный разведчик. Я наслышана о нем. Ежи Духанофф.

– О! – Мимору с горечью рассмеялся. – Красавчик Ежи.

Дамский угодник, картежник, ценитель антиквариата. Да, я тоже слышал, что он хороший разведчик. Вот только за десять лет я ни разу не видел результатов его работы. Серьезных результатов. Где, где его таланты? И где, наконец, сам Ежи? Последний раз он осчастливил меня своим присутствием три месяца назад, когда явился с кучей справок от врачей и прошением об отпуске. По состоянию здоровья. Переутомился, бедолага, надорвался. Надо полагать, очередная любовница оказалась слишком горячей. Что? Вы не знаете? Ежи обошел буквально все офицерские спальни. Кажется, устояла только моя жена, и то я не поручусь. Ежи дьявольски обаятелен. А мужья местных красавиц слишком много работают – вернее, прикидываются, будто работают... Вот что такое Ежи. И я ведь терплю его! Терплю! Потому что он хотя бы не болван и не казнокрад! Но, капитан Берг, чего я могу добиться с такими людьми?! И тут вы. В самом деле, почему бы вам не отказаться от заведомо бесполезной миссии? Я предложил бы вам место замнача по разведке. Да, вам придется работать под Ежи. Но он весьма обходителен с дамами. В конце концов, он не женат, вы тоже свободны...

– Много чести, – сказала я.

– О! Я понимаю вас. И не сомневайтесь, поддержу. Мы ведь не все время служим, бывают у нас и светские мероприятия... Вы вращались в хорошем обществе, что ж, моя жена давно скучает без достойных подруг... А насчет Ежи вы правы. Он король в деревне, но вас он решительно не достоин.

Эк его корежит-то.

– Сэр, я не выбирала себе миссию. Вы забываете, что я получила приказ высшего командования.

– Была бы проблема! Ваше согласие – и я подаю рапорт. Не беспокойтесь, обоснованный. Разумеется, я ни словом не умаляю ваши способности. Наоборот. Я докажу, что округу необходим специалист в вашем лице.

– А кто будет работать на Саттанге?

– Да найду я кого-нибудь... – отмахнулся Мимору. Тут же спохватился. – Я прекрасно знаком с обстановкой на Саттанге. Вы ведь слышали о Фирсе Ситоне? Он дальний родственник моей жены. Здесь, где мы оторваны от дома, даже столь дальнее и сомнительное родство считается кровными узами. Господи, кто бы знал, сколько крови мне выпил этот паскудник! Он же вообще никого не желал слушать. Сколько раз я говорил ему: Фирс, не лезь, сейчас опасно. Он лез. Мне приходилось посылать диверсионные группы, чтобы выручить его. Да, в испорченных отношениях с индейцами повинен и я тоже. Диверсанты с ними не церемонились. Потом Фирс втянул в свои игры Слонику. Был у меня такой капитан, да, я слышал, он все-таки жив... Вот это – пример разумного человека. Мне было очень жаль, я прочил его в коменданты базы, а все разговоры, мол, я избавился от потенциального конкурента в будущем... ну, вы же понимаете. Слонику пришлось бы служить минимум десять лет, чтобы претендовать на мое место. Да к тому моменту я сам уйду в отставку, не

собираюсь я всю жизнь сидеть в этой помойке! Так что я говорил? Ах да, Фирс. Он сумасшедший. Вся эта семейка – я про Говардов – не отличается хорошим психическим здоровьем. Да и крепкой моралью тоже. Эта их врожденная тяга к воровству... Фирс нашел для нее законное приложение, стал археологом. Но зачем он лазил по храмам?! Зачем?! Взять хоть последнее его озарение. Да, я про аномалию. Сто лет мы жили не тужили, тут Фирса осенило. Слухи разлетелись мгновенно. Так быстро, что я не успел их пресечь. Результат? В Эльдорадо волнения и кризис. А их кризисы для нас – хуже яда, потому что хунта всегда использует единственный выход: война. Сейчас на нашей границе скапливаются их войска. А если они перейдут границу? И все потому, что идиот Фирс не умел держать язык за зубами. Ну ладно, что идиот. Ну ладно, что идиот он чокнутый. Но мог бы молчать!

– И в конце концов вы устали и отказали ему в помощи.

– Да не отказывал я ему, – отмахнулся Мимору. – О, конечно, я тут добрый волшебник, всемогущий, и если я чего-то не сделал, то исключительно потому, что не хотел. Вы в это верите? А что я мог сделать? Дурака схватили за руку прямо в храме, откуда он пытался вынести какую-то реликвию. Чуть ли не самую Великую Мэри. И чем я мог помочь? Магическими пассами и проклятиями на головы судей? Конечно, я связался с нашим консулом. Конечно, я исхитрился и вышел на влиятельных стариков. Я предлагал баснословную цену за живого Фирса. Но это индейцы. Они, в отличие

от наших, неподкупны. А послать спецназ на выручку я попросту не успевал. Вы ведь понимаете, я еще и официальный приказ отдать не мог. Это превышение служебных полномочий. Только по личным каналам. Ну не было тогда свободных специалистов, все заняты. А снимать их с другого задания... под каким предлогом, простите? Да, я смирился. Это не я виноват, что Фирс доигрался. Теперь еще этот Люкассен... Он мне сразу не понравился. Не знаю, как он втерся в доверие к Рублеву. Честно говоря, я вызывал его для другого задания. Но поглядел – и передумал. Послал другого человека. А этого поставил на обычный маршрут. И нате вам! А ведь я хотел просто отправить его назад... У него на лбу было написано – пират. Большими буквами. Вот зачем он пошел на Саттанг? Пакет ему якобы от меня передали? И кто этот пакет видел? Да, я отдал ему приказ. Как раз на середине пути, когда окончательно удостоверился, что он ненадежный человек. Приказал срочно возвращаться на базу «Кромвель». Вот то, что было. И что вы хотите найти на Саттанге? Доказательства его невиновности? Я вам говорю – у меня есть доказательства виновности. Есть копия того приказа, который отдал я и который был нарушен. Вам этого мало?

Как удобно, однако, врать – если уверен, что все улики сгинули на Саттанге. Фирса казнили, пирату Люкассену не поверят – ведь он никто и звать никак. Похоже, Ежи Духанофф как минимум умный парень – если его командующий не знает, где могила Фирса Ситона и кто такой Максим Люкас-

сен. Небось, сейчас доволен, как слон в речке: так подставил генерала!

– Я ничего не решаю. У меня есть приказ. В отличие от Люкассена, я намерена выполнить его. Вы дадите корабль?

Мимору насупился.

– Нет. Я же говорю – меня слишком поздно уведомили. А у меня тут не личный космопарк. Есть планы работы. Все корабли на боевом дежурстве. Через четыре недели будет корабль. Можете подождать. В конце концов, Люкассен уже мертв, от задержки на месяц ровным счетом ничего не изменится.

– Что ж, – я встала, – спасибо за аудиенцию, сэр.

– А над моим предложением все-таки подумайте. Я про должность замнач.

– Непременно. У меня будет достаточно времени на это – пока я буду ждать обещанный вами корабль.

– Да, – Мимору просветлел. – Конечно. Четыре недели. Фрегат второго класса, отличное суденышко. Обращайтесь.

Я с трудом вытерпела рукопожатие. И зачем генералу при-
спичило жать руку капитану? Переволновался, бедняжка.

Тот же адъютант отвез меня на космодром. Рейс на «Абигайль» был ночью, но повезло – шел транзитный корабль, которому не помешал лишний пассажир. Мне выделили удобную каюту, обещали кормить с экипажем и предоставить доступ к сети с борта.

Два часа спустя корабль стартовал.

Я совершенно не обязана разбираться, командующий дурак или предатель. Я тактический разведчик, а не аналитик. Для анализа информации есть специально обученные умные люди, а мое дело – вовремя стукнуть кому следует.

Я дождалась, когда корабль встанет на маршрут, и набрала код Алистера Торна. Связь была отличной – ну еще бы, в непосредственной близости от штаба округа.

– Здравствуй, Алистер.

Он посмотрел на меня оценивающе. В этот момент я поняла, насколько сильно он похож на Скотта Маккинби. А раньше мне казалось, что он уродился скорее в свою мать, Памелу Торн-Маккинби.

– Алистер, у меня проблемы.

– Ну еще бы у тебя и не было проблем.

Мне не понравился его тон.

– Я нахожусь здесь с миссией. В рамках подготовки я встретилась с командующим округа. Он отказывается выполнять приказ министра...

– Я в курсе. Редкий случай, когда я полностью согласен с Мимору. Несмотря даже на то, что цели у нас разные.

– Тебе придется объясниться.

– Строго говоря, не обязан. Я ну ни капельки не должен ставить тебя в известность о своих планах и, тем более, про-

водимых операциях. Тем не менее, учитывая твой характер, кое-что скажу. Какое задание ты получила? Установить обстоятельства смерти Максима Люкассена. Делла, на сегодняшний день у нас нет ни одного основания говорить о его смерти. В челноке, на котором он бежал с корабля, остались следы его крови. Но их не столько, чтобы с уверенностью говорить о смертельном ранении.

– И это, конечно, повод считать, что он жив? Он не мог умереть?

– Нет, конечно. Это повод говорить о том, что его бегство было инсценировкой. Как минимум двое его спутников живы.

– И почему, по-твоему, Макс до сих пор на Саттанге? Ты не хуже меня знаешь, что он-то оттуда выберется на счет раз. Хотя бы в силу знакомства с царем.

– Вот-вот. И я о том же. Может быть, тебя ждет?

– О! – я позволила себе ироническую усмешку.

– Конечно. Верную супругу, безумно его любящую, которая обеспечит самое главное – приведет корабль. Делла, о том, чтобы эту миссию поручили тебе, позаботился Ник ван ден Берг, двоюродный брат Макса. Я ни капельки не сомневаюсь, что ты точно знаешь, где искать «пропавшего». Ты получаешь от командования корабль, он ждет тебя на орбите, ты спускаешься и забираешь людей, после чего вы захватываете корабль и уходите в Эльдорадо. На Саттанге есть кое-что, представляющее стратегический интерес для Эльдора-

до, а у тебя есть связи. Ты ведь помнишь свою последнюю миссию? Я видел твой рапорт. Тебя раскрыли. Ты ушла только потому, что тебе помог человек из хунты. Сын этого человека влюблен в тебя. Сейчас этот парень – третий в Эльдorado и потенциальный будущий диктатор. Соперники есть, но если вы с Максом доставите объект, интересующий Эльдorado, его победа обеспечена. Скажи, что это невозможно.

– Это глупо, Алистер.

– Аргумент просто убойный, – он засмеялся.

– Аргумент – то, что Макс князь. Неважно, княжество у него или у меня. В Эльдorado ему не смогут предложить ничего, что было бы лучше.

– Как знать? Макс вообще-то славится вспышками бешенства, после которых он ничего не помнит. Да, вроде сейчас их нет. Но были же? Докажи мне, что во время такого приступа он никого не убил. Срок давности по убийству – двадцать пять лет.

– Ничего не выйдет. Убийство в состоянии аффекта, вызванного заболеванием головного мозга.

– Тогда его признают недееспособным. И право на княжество он потеряет железно.

– Оно останется у меня.

– Вы в разводе. И ваш брак, если вы поженитесь второй раз, не будет законным.

– Но это не помешает мне, к примеру, стать матерью наследника.

– И какой от этого прок Макс? Его-то в лучшем случае запрут в клинике. Надолго. В Эльдорадо он получит и деньги, и влияние. Да, куда меньшее, чем здесь. Зато на свободе. Я покачала головой.

– Делла, любой непредвзятый следователь обратит внимание на ваши связи. И примет за основную версию, что вы в сговоре. Ник ван ден Берг за помощь забирает себе княжество – да, с виду они с Максом враги, но кто поручится, что это не игра? Ты получаешь любимого мужа, он – высокое положение в Эльдорадо. Я допускаю, что в этой игре два мерзавца используют тебя втемную. Отчего же не допустить. Но у тебя-то мозги должны быть! Ты сама не видишь?

– Не вижу, представь себе.

– Делла, в любом случае Макс – дезертир. Это-то бесспорно. Он самовольно покинул место службы. Если таковы были обстоятельства, то он обязан был приложить все усилия, чтобы вернуться. Времени прошло достаточно. Он мог добраться и до царя, и до нашего консула. То же самое относится к его спутникам. Никто из них не позаботился сообщить о себе.

– Не могут?

– И почему же? Они не в плену. Ни по официальным данным, ни по данным индейской разведки. Я запрашивал их почтарей. Делла, как минимум двое из четверых – на свободе. Их видели.

– И ты считаешь, что это повод отказаться от розыска?

– Я считаю, что было ошибкой поручить миссию тебе. Ты останешься здесь. На Саттанг полетит другой человек. Не менее подготовленный, чем ты.

– Уж не Ежи ли Духанофф рекомендовал его тебе? Я слышала, он летал на Тварь, может, тогда и предложил свой вариант?

– Допустим. И что тебе не по нраву?

Я подняла левую руку, показав ленту на запястье.

– Вот это. Подарочек от Ежи. Надетый с нарушением всех норм законодательства, без приговора суда.

– А зачем приговор суда, это гражданская версия. Я имею полное право снабдить таким девайсом кого угодно. Кого угодно, кто рискует, например, потеряться в лесу. Или вляпаться в дурную историю.

– Ах это твоя работа.

– Делла, тебе мои объяснения кажутся недостаточными? Ты под подозрением. Скажи спасибо, что я решил вопрос так мягко. Мне нужно знать все о твоих перемещениях и встречах. Кстати, ты ведь хочешь доказать свою невиновность? Ты получила девайс, которым вполне можешь пользоваться в своих целях. Он удобен тем, что никто не заподозрит, будто ты ведешь передачу. Она дискретна. Запись идет постоянно и независимо от твоего чипа, поэтому засечь ее проблематично. Всякий раз, когда ты оплачиваешь покупку, любую покупку в любом месте страны, лента отправляет собранные данные. Имей в виду.

– Спасибо. Учту.

– Молодец.

– Ничего, что эту ленту надели мне без моего согласия, да еще и с применением силы? Это тоже по закону?

– Нет, – Алистер вдруг широко улыбнулся. – Совершенно незаконно. Не волнуйся, я уже устроил выволочку Духановфу. Когда все закончится, ты имеешь полное право подать на него в суд. Я не отдавал приказа поступить с тобой именно так.

Я прикусила язык. Сейчас спорить бесполезно. Да и не стоит закатывать истерику, мол, меня обидели-использовали. Не те обстоятельства, когда истерика – хорошее оружие.

– Где ты сейчас?

– Возвращаюсь на «Абигайль».

– Вот и возвращайся. И сиди там. Меньше навредишь.

– Алистер, между прочим, у меня есть официальное место работы и связанные с работой обязательства. Я ассистент инквизитора. И действую в рамках заключенных договоров.

– Да, я в курсе, – отмахнулся Алистер с пугающей беспечностью. – Ты бы лучше спросила, где сейчас тот самый инквизитор. А он, между прочим, под домашним арестом. Действие его лицензии приостановлено, ведется следствие.

Я не поверила своим ушам.

– Ч... что?

– То, что ты слышишь, – Алистер подался вперед. – Август, кажется, решил, что в кругу равных ему все дозволе-

но. Не знаю, что он вытрясал из Ника ван ден Берга, но Ник остался сильно недоволен его методами. Подал в суд.

– Давно?

– Достаточно. Думаешь, это все? Август еще и в Сенате выпендрился. От всей души. Сенат с правительством до сих пор опомниться не могут от его выступления. Как ты догадываешься, я поручил Ежи решить твою проблему именно в связи с этими событиями. Август как инквизитор больше не существует. А я на месте семьи очень серьезно подумал бы, не нужен ли нам другой герцог Кларийский. Надеюсь, дорогая, ты все поняла?

Меня хватило только чтобы кивнуть: дар членораздельной речи я временно потеряла.

Хорошенький разговор получился, ничего не скажешь. Но Алистер-то?! Каков говнюк...

Что предпринять, я не знала, но и не суежилась. Сначала надо долететь до базы. Не исключено, что меня арестуют прямо на космодроме, и это один расклад. Причем арестовать могут как по приказу Мимору, так и по приказу Алистера. Сильно сомневалась, что они заодно. Даже если цели у них одинаковые – исходим из худшего варианта, да? – все равно они враги. Будь у меня чуть больше времени и иные задачи, я могла бы сыграть на этой вражде. Времени, к сожалению, нет, и задача не предусматривает расследования деятельности что Мимору, что Алистера.

А если меня не арестуют, то расклад другой. В принципе,

слова Алистера означают неофициальный домашний арест. То бишь он не может отдать формальный приказ о задержании меня. Думаю, не потому, что власти не хватает или повод отсутствует. Алистер – это контрразведка, контрразведка в любую секунду высосет повод из пальца и будет права. Как он верно заметил, достаточно и того, что я бывшая жена Макса, а Максу приписали государственную измену. Доказывай теперь, Офелия, что ты не заодно с предателем. Тем не менее, Алистер не спешил с решительными мерами. Хочет выманить на меня рыбку покрупней? Не исключено.

Зря он так. Не стоило ему использовать в качестве наживки опытного разведчика. Соблазн переиграть его, показав, кто из нас чего стоит, велик. Но я не поддамся ему.

У меня своя миссия. И я ее выполню.

* * *

– Делла, боюсь, вам надо уже что-то предпринимать.

Иноземцев выглядел озабоченным, и я прониклась.

– Сегодня ночью прибыл парень. Индеец, совсем молодой. Его нашел и прислал генерал Рублев, вам в помощь. Он без гражданства, перемещенный – родители уехали с Саттанга, когда ему было уже десять. Отлично знает язык, обычаи, правила вежливости. Всей душой готов помочь вам.

– Прекрасно. И где он?

– Он сейчас спит. Рейс был нелегким, да и прибыл ночью,

так что парень отдыхает. Есть и вторая новость. Через двое суток с Твари прибывает Алистер Торн.

Ого. Вот это уже серьезно.

– Не буду скрывать, он велел задержать вас. Но это не приказ, он мне не командир, так что все неофициально. И с оговоркой, что вам не должны грубить. Из чего я делаю вывод, что запретить вам выполнить миссию никто не может.

– Вот именно.

– Я вот о чем подумал. Следующей ночью стартует большая научная экспедиция. У них в планах изучение Саттангской аномалии, есть все разрешения и так далее.

– О! – воскликнула я. – Фомичев! Как же я могла забыть!

– Вы там кого-то знаете?

– Да, одного из ученых.

– Это прекрасно. Видите ли, я шапочно знаком с начальником экспедиции. Это очень строгая дама. И очень правильная. Она ни за что не возьмет на борт ни контрабандиста, ни беглого преступника, ни тем более шпиона. Но вот тут я мог бы вам помочь – моей рекомендации она поверит. Если в экспедиции есть еще кто-то, кто вас знает и может засвидетельствовать, что вы не собираетесь вредить Родине, – замечательно.

– Когда?

– Как вы смотрите на то, чтобы сейчас?

Мы поехали в город. Начальница и правда выглядела строгой, но была, по сути, просто ответственной и делови-

той, так что разговор с ней удался, тем более что присутствовал Фомичев, который мне неподдельно обрадовался. Прямо оттуда мы поехали на космодром и проследили за тем, как на корабль грузят челнок, обещанный Иноземцевым.

– Мы ждем вас в одиннадцать, – напомнила на прощание начальница. – Постарайтесь прибыть чуть раньше, тогда мне легче будет провести вас на борт. Ваш индеец – он как, вполне понятливый?

– Я еще не видела его. Но его выбирал генерал Рублев, лично.

– О, слышана об этом вояке. Одного не отнять: в солдатах он толк знает. С офицерами, бывает, промахивается. А солдаты у него всегда безупречные. Хорошо, мисс Берг. До вечера.

– До вечера, – сказала я.

* * *

Моего индейца звали Тан. Обычное для них имя. Нативные индейские имена считались тайными, их нельзя было произносить – духи услышат и непременно навредят. Поэтому у каждого взрослого индейца был псевдоним. Традицией было мужское имя из трех-четырёх букв, женское – из пяти-шести. Иногда они брали известные, человеческие имена, иногда – слова, звучание которых нравилось, а иногда – просто звучное сочетание нужного количества букв. Ника-

ких значений в имена не вкладывали, даже если брали конкретное слово. Просто идентификатор.

Мой спутник оказался совсем молодым, почти мальчишкой. Наверное, еще не был женат. У индейцев любопытная традиция брачных связей. Они признавали постоянный многогамный брак, но в виде исключения. А нормой было многоженство. Достигнув определенного возраста, индеец предлагал какой-то женщине стать его женой. Спустя три года брал вторую жену, младшую. Спустя пять лет отдавал первую родственнику или другу. Через год после этого оставшаяся жена считалась старшей, а он брал новую младшую. Но такая простая система была доступна только состоятельным индейцам. У тех, кто победнее, система была понавороченней. Жен бывало по три-четыре, но у каждой – по два-три мужа. Как они различали детей, кто чей, непонятно, но отцовство тоже регулировалось традицией. Жених брал невесту со всем, что у нее есть, а значит, если она уже беременна, то и будущий ребенок будет числиться потомком ее актуального мужа. Никакого поражения в правах у таких полуприемных детей не было, ребенок вообще считался хорошим приобретением, а нисколько не обузой. Он же вырастет, станет помощником, а потом и добытчиком. А были еще пробные браки – как правило, для женщин старше сорока пяти и для мужчин старше семидесяти. Такая женщина могла стать временной женой, на год, для юноши не старше семнадцати лет, а такой мужчина на год-два брал совсем юную девочку.

Но если он так поступал, то обязан был потом дать ее старшему внуку.

Перемещенные индейцы быстро отходили от традиции. Как правило, со старшей женой не расставались, но если средства позволяли – заводили себе еще одну или даже двух.

– Тан, ты женат?

– Нет, мэм.

Индейцы больше других инородцев сходны с людьми. Интеллектуально они нам точно не уступают. Чистокровный индеец легко получает полное школьное образование федерального уровня. Может и в колледже учиться, но это у инородцев в целом не принято. Чего ради здоровый лоб будет за партой сидеть? Пусть работает! Хотя богатые родители уже потихоньку начали перенимать наше отношение к возрасту. И все больше и больше инородцев появлялось в колледжах. Эльфы – полукровки и квартироны, а вот индейцы попадались и чистые.

Цивилизационно они от нас отставали, конечно. Вопрос, критично ли? На Саттанге была письменность, развитые ремесла – вплоть до обработки железа, – традиции, равные закону, и даже искусство. А еще полноценное государство: наследственная монархия, с массой пережитков родоплеменного общества, зато уже с традицией суда и налогообложением. В сущности, мы обогнали индейцев максимум на три тысячи лет. По сравнению с эльфами, отставшими на пятьдесят тысяч и замершими в развитии, или орками, отставшими

на полмиллиона, – индейские три тысячи сущий пустяк. Три тысячи лет назад у нас уже были Гомер, Аристотель, Гиппократ и Венера Милосская. Римляне считались дикарями. А египтяне считали дикарями греков. Иудеи уже имели писаную Тору. Как вчера было. Смело можно считать индейцев братьями по разуму. Младшими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.